

Они выбрали ночь

Эрнисов Алмаз

Алмаз Эрнисов
Они выбрали ночь

«Автор»

2024

Эрнисов А.

Они выбрали ночь / А. Эрнисов — «Автор», 2024

Прентвиль – мрачное место, где закон страшится беззакония, а любое убийство – всего лишь несчастный случай. Здесь не существует грани между жизнью и смертью. Невидимый рубикон навсегда стерт теми, кто правит людьми с высоты птичьего полета. И каждый житель города должен сыграть свою роковую роль в странном пари, которое заключили между собой бессмертные. Старый убийца, превращающий своих жертв в деревянные куклы, выберет свою судьбу, а молодой констебль потеряет гораздо больше, чем приобретет. И когда город вспыхивает в ночи, история повторится вновь.

© Эрнисов А., 2024

© Автор, 2024

Алмаз Эрнисов

Они выбрали ночь

Пролог

Над городом, словно медная монета, повисла полная луна. В тишине ночных улиц послышался одинокий звук проезжающего мимо кэба и тихий голос возницы подгоняющего усталых лошадей. Стараясь не нарушать таинственную безмятежность, извозчик тревожно вглядывался в темноту, и испуганно озирался, будто опасался внезапного преследования. Каждый шорох заставлял его нервно вздрагивать и, ерзая на козлах, еще сильнее обхватывать вожжи. Страх подкатывал к самому горлу, и не спеша превращаясь в крик, растворялся в нескончаемой чередой неспокойных мыслей.

В пустоте темных переулков извозчику мерещились горящие адским пламенем глаза, а спрятавшаяся за рваной пеленой облаков луна, подтверждала самые худшие опасения.

Цок-цок-цок, брякали подковы о мостовую, рождая в голове возницы самые жуткие в мире предположения. Кто еще отважится в такое время выйти на улицу? Даже фонарики и те, словно специально отлынивая от работы, не высовывали носа из своих теплых домишек.

Внезапно лошади остановились как вкопанные и, захрапев, усталились на булыжники мостовой.

– Ну, чего встали?! – осторожно произнес извозчик, страшась собственного голоса, и вновь испуганно посмотрел по сторонам.

Улица была пуста.

Лошади откликнулись протяжным ржанием. Извозчик вздрогнул, и почувствовав за спиной чье-то незримое присутствие, затравленно обернулся.

На крыше повозки сидел огромный черный ворон. Затаив дыхание, возница уставился на птицу – та же в свою очередь, с интересом разглядывала до смерти напуганного человека, – не собираясь покидать любимейшего места.

– Пошла прочь, – наконец найдя в себе силы, пролепетал извозчик.

Ворон остался сидеть на месте, не обратив на слова никакого внимания.

– Кому говорю: пошла вон, дрянная птица! У! – видя, что угрозы на ворона не действуют, возница решительно махнул рукой.

В ответ, ворон, распрямив крылья, разинул клюв и, ошетилившись, словно дворовая кошка, гаркнул.

Поежившись от внезапно налетевшего холодного ветерка, извозчик внимательно посмотрел на смоляную птицу иначе, – как на что-то нереальное, словно видит кошмарный сон, который почему-то никак не хочет развеяться.

Возница вновь отмахнулся от зловещей птицы, но та продолжала упрямо пялиться на него, не собираясь улетать.

Бочком, бочком, ворон приблизился к своему обидчику и, каркнув во все горло, взмыл ввысь, растворившись в туманной дымке ночи. В этом злобном крике прозвучавшем, словно некий приговор свыше, человек смог различить только одно слово:

– Обречен!

Извозчик безжизненно застыл на козлах, стеклянным взглядом уставившись куда-то в небо; туда, где среди свинцовых облаков виднелась пузатая луна, нехотя озаряющая тусклым светом одинокие улицы города. На фоне этого далекого, и в то же время непривычно близкого ночного светила, исчезала призрачная фигура ворона.

1. глава – Ночь сомнений.

Он проснулся в холодном поту и долго не мог понять, где находится. Сон оказался слишком явным, чтобы быть ночным кошмаром. Незнакомый человек, улица, дома – все достаточно реально, словно он сам находился в том самом месте... И эта птица которая, как беспристрастный судья исчезла в пустоте ночного неба, произнесла только одно слово, тем самым поставив жирную точку на жизненном пути возницы!

Он слегка пришел в себя и снова провалился в тревожный сон...

– Не позволю его будить! Хоть убейте, все одно не позволю! – донесся из-за двери голос пожилой женщины. – Даже не думайте! Не пушу!

Двери спальни широко распахнулись.

Сладко зевнув и потянувшись, мистер Джинкс Форсберг приподнялся на кровати, удивленно наблюдая, как на пороге топчется целая толпа знакомых ему людей. Ближе всех стояла явно обеспокоенная чужим присутствием тетушка Лайрис. Грозно расставив руки в стороны, она самостоятельно пыталась выставить из спальни непрошенных гостей, прикрикивая на возмутителей спокойствия.

– В чем дело? Я требую объяснений! – сладко потянувшись, поинтересовался констебль.

– Беда!

Нервно теребя широкополую шляпу, вперед вышел рыжебородый мужчина, по виду, явно знатный ремесленник с восточных кварталов.

– Говори, – бросил в ответ Форсберг и, не теряя времени, нисколько не смущаясь, стал быстро одеваться.

– Хоть бы постеснялись, бесстыдники! Это ведь самый настоящий верх неприличия, – заворчала тетушка Лайрис, и как полагается заботливой экономке, тут же отошла на второй план. Поставив подсвечник на комод, она хищницей зыркнула на гостей, но больше не произнесла ни слова.

Рыжебородый, пытаясь заручиться необходимой поддержкой обернулся и, встретив пару уверенных взглядов, начал:

– Просим прощения, что побеспокоили вас в столь поздний час, мистер инспектор. Но это лишь по той причине, что в нашем городе стряслось нечто ужасное...

– Ближе к делу, – поторопил его хозяин дома, тем временем уже застегивая темно-синий жакет.

– Мой брат, Ларкис Фрит. Он ...он умер! – не удержавшись, мужчина уткнулся в шляпу и заплакал.

Констебль без всякого сожаления бросил на него мимолетный взгляд и строго оглядел присутствующих. Люди с факелами и подсвечниками, робко попятились назад, но упершись в узкий проем, застыли на месте.

О твердости и неприступности молодого инспектора прибывшего из северного пригорода Прентвиля ходило много слухов, каждый из которых был противоречивее предыдущего. Может именно поэтому разлетавшиеся по городу сплетни, воспринимались доверчивой толпой с живым трепетом и полной уверенностью в их правдивости.

– Кто из вас может рассказать мне, что именно произошло с Ларкисом Фритом? – поинтересовался Форсберг.

В толпе, показалась, чья-то дрожащая рука. Люди, сохраняя молчание, расступились, и на середину комнаты вышел чумазый мальчик лет двенадцати.

Тим Редклиф – чистильщик обуви, был заметной фигурой на улице Откровений, где жило большинство его клиентов, к числу которых относился и сам мистер Форсберг. И не было

никаких сомнений, что именно этот проныра знал большую часть новостей в переполненном слухами городишке.

– Говори, Тим ...

Парень услужливо кивнул:

– Дело-то было так... Я, уже собирался уходить домой. Время шло к полуночи, тут даже ночные гуляки разбрелись кто куда, чего думаю мне одному тереться, того и гляди, по шее надают. Все равно толку ни на грош. Подхватил свои вещи. Вдруг вижу, повозка катится. Вру, – Тим, слегка смутившись, шмыгнул носом и продолжил: – Я ее сначала услышал... Знаете, в тишине колеса об дорогу здорово бьются и звук такой противный и громкий, словно мельничное колесо... Я даже оглянуться не успел, а она уже совсем близко. Такая черная, будто в дыму, и возница незнакомый, огромный такой, как Кронос. Я шнырь в подворотню, притих. А возница остановился, постоял немного, а потом возьми и упади на козлы, будто подкошенный. Ну, я и вызвал Смотрящего. А он уж установил, что этот здоровяк ни жив, ни мертв, и сказал звать вас...

Форсберг задумчиво посмотрел на запыхавшегося парня.

– А еще кого-нибудь видел?

– Да вроде нет? – покачал головой Тим. – Хотя темно уж было, может, кто и был. Но я, честное слово, не заметил.

Твердый взгляд констебля перешел на убитого горем ремесленника.

– Врач осматривал вашего брата?

Рыжебородый утвердительно кивнул.

– Какова причина смерти?

– Сказал, не выдержало сердце, – сквозь слезы пролепетал мужчина.

Констебль нахмурил брови и стал медленно расстегивать жилет.

– Простите, но я не занимаюсь теми, кто отошел в мир иной по причине худого здоровья или слабодушия. Прошу покинуть мой дом и впредь по подобным пустякам не беспокоить. Тетушка Лайрис, прошу вас, проводите гостей.

Экономка, предчувствуя долгожданную расплату, надменно обожгла взглядом ремесленников и, расставив руки в стороны, как самое настоящее пугало, стала выпроваживать визитеров из спальни.

– Но постойте! Постойте! Мой брат не умер. Его убили! – опомнившись, в отчаянье закричал рыжебородый.

– Что? – Форсберг удивленно обернулся.

– Его забрала тьма! – с трепетом прошептал ремесленник. – Я точно знаю! Тьма!

– Тьма?

Ответом был короткий кивок и десяток напуганных до смерти взглядов.

В памяти констебля, словно напоминание, возник недавний ночной кошмар и призрачный возница, лишившийся жизни из-за одного только слова роковой птицы.

– Рассказывай, – потребовал мистер Форсберг.

2

Он, как никто другой, любил вырезать деревянные фигурки людей. Разных, непохожих друг на дружку людей.

Бесчисленная коллекция, пылящаяся на длинных прогнивших от времени полках. Высокие и низкие, толстые и худые, – даже цвет кожи его изделий пестрил отличием. С дотошностью искусного ювелира он отражал в фигурке крохотные детали, словно от этого зависело будущее его деревянных детищ. И только мастеру было известно, что это не так. Даже едва различимый шрам над верхней губой его самой первой поделки не имел никакого значения. Просто, эта

непреодолимая и навязчивая память не могла оставить в покое изрезанную в клочья душу. И если хоть один неуловимый взгляд штришок не отразится на деревянной болванке – кукла не удастся, а стало быть и мастер не получит желаемого удовлетворения. И в придачу ко всему: еще одна ночь превратится в настоящий кошмар.

Невероятно усталый и весьма худой человек посмотрел на плоды своей многолетней работы. Здесь были все. Все, кого он когда-то с определенной жестокостью и холонокровием лишил драгоценной жизни. Безмолвные фигуры в один голос напоминавшие ему о прошлом. И по-другому быть не могло. Руки сами заставляли делать эту нелепую, лишённую всякого смысла работу, выбирая для новой куклы идеально ровное полено.

Он не помнил, сколько еще осталось трудиться, но все же не переставал верить, что когда-нибудь он поставит на полку последнюю куклу.

Отложив нож, и по-старчески кряхтя, Шрам осветил комнату еще парой толстых свечек. Прогнившая сырая комната, почувствовав едва уловимое тепло, протяжно заскрипела, хотя возможно, это отозвались древние кости самого хозяина.

Шрам улыбнулся сам себе и, держась за больную спину, подошел к окну.

Сегодня был на удивление скверный день, а ночь выдалась и того хуже – беспокойная, да ко всему прочему и ветреная. Чужая – как говаривали в опустевшем после чумы и оспы пригороде Прентвиля.

В ночи раздались ужасные крики. Вопила женщина, коротко и отчаянно, словно уже и не надеялась на спасение.

Шрам снова улыбнулся. Но на этот раз как-то загадочно. И обернувшись, бросил взгляд на пару висящих у стены женских фигурок. Он хорошо помнил эти визгливые, безумные крики, такие же неуловимые как ночной туман. Глупые служители закона никогда не услышат отчаянные возгласы, а если все-таки жертве и посчастливиться, то Смотрители, вряд ли кинутся спасать бедную девушку.

'Интересно, этот неумелый доходяга оставит девушку в покое или все-таки перережет ей глотку за пару звонких монет, что таятся в ее сумочке?' – Шрам втянул ноздрями ночной воздух и удовлетворено выдохнул.

Прирежет. Впервые. Случайно. Но все-таки прирежет.

'Как он будет проклинать себя, когда ледяная вода не сможет смыть кровь с его дрожащих рук', – Шрам, словно смаковал вкуснейшее блюдо, представлял себе эту упоительную сцену.

И вновь темноту рассек истошный женский крик.

Замерший у окна мастер ликовал. Еще чуть-чуть, самую малость! Финал выдался на загляденье. Хотя ему и не удалось в полной мере насладиться неумелым убийством жалкого грабителя – ночное происшествие отвлекло его от нескончаемой работы.

Внезапно голова мастера наполнилась жуткой болью, в глазах возникли крупинки немого страдания. Старый убийца слишком рано закончил свой бесконечный труд. Фигурка была готова лишь наполовину...

3

За окном кэба, стремительно мелькали одинокие, погруженные в безмятежный сон дома. Фонарные столбы еще светили тусклым светом, приветствуя затерявшийся в ночи экипаж, но констебль точно знал – город не спит. Каждый житель, находясь в своей уютной комнате, все равно чувствует притаившуюся среди извилистых улиц беду. И молит всех ведомых и не ведомых богов, чтобы старая торговка чужими жизнями обошла стороной его домашний очаг.

Впереди показались одинокие огни факелов – небольшой участок дороги был освещен словно днем.

'Вот где сейчас действительно веет смертью', – подумал Джинкс и вздрогнул. Неприятное ощущение подкатило к горлу, и недавний сон вновь ожил.

Кэб остановился возле перекрывших дорогу полицейских.

– Куда прешь, скотина?! – донесся снаружи стальной голос.

– Не ругайся, Стенли. Я тоже не рад этому ночному переполоху, но не ворчу, словно старый боров, – сдержанно улыбнувшись, инспектор встретился взглядом с кряжистым служителем закона.

Смотритель почтительно поклонился:

– Мистер Форсберг? Вот уж не думал, что увижу вас здесь, – полицейский был искренне поражен.

Констебль застенчиво улыбнулся:

– Знаете Стенли, сам удивляюсь, что оказался в этих трущобах среди ночи.

– Так вот и я про то же, – нервно теребя ус, согласился Смотритель. – Тут же и в самом деле сердечко не выдержало. К чему время-то зря тратить? Да и нам лишние проблемы не нужны. И так уж с этим покойником продрог весь. Вон гляньте, могильщики притащились. Вот уж кто, настоящие стервятники! Ради всего святого, мистер Форсберг, увольте меня от этого...

Джинкс бросил на здоровяка сочувственный взгляд.

– Ничего не поделаешь, Стенли. Придется еще немного потерпеть. Да и служащим кладбищ не привыкать. Пускай немного умерят свой пыл и подождут моего решения.

Инспектор осторожно подошел к лошади и, взяв ее под уздцы, посмотрел на свесившегося с козел покойника.

Вроде бы все выглядело обычно. Никаких видимых признаков насилия, следов крови, борьбы – но Джинкса мучило внутреннее не спокойствие – этому грузному человеку просто-напросто стало плохо, он остановился, схватился за сердце и ... упокой Всеединый его душу. И все же, оставалось одно 'но'.

Сон никак не хотел покидать его мыслей.

Мистер Форсберг обошел карету, и вновь остановившись возле мертвого извозчика, задумчиво почесал подбородок. Неужели странное предчувствие ничего не значит? Все было слишком очевидно, чтобы искать в стоге сена несуществующую иглу, которая в один миг разрушит привычную картину несчастного случая. Определенно не существовало даже призрачного шанса, что возница умер не своей смертью. И все-таки констебля продолжали терзать скверные сомнения.

'Сон, всего лишь, сон...И ничего больше! Ни единой наметки', – волчком крутилось в голове.

Он еще раз пристально изучил пустой кэб – никаких признаков чужого присутствия.

'Значит, возница ехал один'

Не обращая внимания на недоуменные взгляды Смотрителя. Оглядел возницу. Место происшествия. Поговорил со случайными зеваками.

Ничего.

Собираясь уходить, инспектор в очередной раз непонятно зачем вернулся к повозке. Склонившись над колесом, он аккуратно провел по ободу, словно пытаясь найти нужный ответ у холодного металла.

Все напрасно. Поежившись от ледяного августовского ветра, констебль направился в сторону кэба, но случайный взгляд, выдернул из ночи странный отблеск мостовой. Нагнувшись, Джинкс аккуратно поднял огромное воронье перо и с любопытством покрутил его в руке.

Ветер, налетевший откуда-то с севера, показался ему слишком промозглым, совсем не типичным для этого времени года. По спине пробежали мурашки, а руки предательски затряслись, словно у заядлого забулдыги. Джинкс глубоко вздохнул, сдерживая учатившееся сердцебиение, и убрал находку в карман.

– Сон, всего лишь, сон... И ничего больше, – повторил он не веря самому себе.

Разогнав случайных зевак и распорядившись по поводу опроса очевидцев, которых как бывает в таких случаях, не оказалось – Смотритель возник рядом с инспектором и звонко отрапортовал. Мистер Форсберг выслушал доклад и, помедлив, спросил:

– Скажите, Стенли, до меня кто-нибудь осматривал место происшествия?

– Да кому же это нужно, мистер Форсберг, – взмолившись, простонал Смотритель. – На кой демон... Вон и доктор подтверждает. Естественной смертью он умер. Без всякого, как говорится, душегубства. Все ж и так ясно!

– В том-то и дело Стенли, что слишком уж ясно.

Джинкс бросил взгляд на продрогших до костей полицейских. Ночи на излете лета, в этот год, и впрямь, выдались слишком холодными.

– Хорошо, можете забирать, – снисходительно произнес констебль, заметив, как Смотритель облегченно выдохнул и натянуто улыбнулся.

– Ну? А вы чего встали, рты разинули, итак ночь на дворе! Чего, поглядеть больше не на что?! Преставился человек, сердце не выдержало, а вы уставились, глазенками хлопаετε, – засуетившись, прикрикнул на толпу представитель закона.

Повернувшись, Джинкс покосился на горожан и заметил пустой взгляд рыжебородого ремесленника, который уже смирился с тем, что смерть его брата останется безнаказанной.

Развернувшись, констебль в очередной раз направился к кэбу, словно место преступления тянуло к себе мощным магнитом.

Сейчас было не до пустых бесед с горожанами. Стоило хорошенько подумать, прежде чем задавать хоть какие-нибудь вопросы. В голове не преставало крутиться это треклятое иссиня-черное перо, словно специально оставленное неизвестным шутником возле повозки.

Что необычного в этой непримечательной находке – Джинкс не знал – но терзающее сомнение все-таки склоняло его в сторону непреодолимого желания докопаться до мистической истины загадочной смерти.

– Смахнула его жизнь, – раздался, чей-то противный до тошноты, голос.

Заметно вздрогнув, мистер Форсберг потерял привычный ход мысли.

– Я говорю, мистер узнаю-все-про-всех, тяжелое это бремя жизнь, – заметив на лице инспектора мимолетное замешательство, добавил худой и очень бледный мужчина.

С интересом изучив светловолосого незнакомца в старой потрепанной одежде, констебль попытался получше рассмотреть его лицо, которое было испещрено глубокими рытвинами от оспы, а на подбородке красовался длинный застарелый шрам.

– Разве мы знакомы? – не отводя взгляда, поинтересовался инспектор.

Незнакомец словно ожидая подобного вопроса, расплылся в улыбке, показав желтые кривые зубы и, приподняв высокую обветшалую шляпу, представился:

– Мистер Лизри, местный гробовщик. Как называют меня многие – Робкий слуга смерти. За хорошую доплату могу стать душеприказчиком и предоставить лучшее место на Старом кладбище.

Только сейчас Джинкс почувствовал, как от собеседника повеяло смертью. Запах свежей земли, и сырость прогнивших саркофагов слились в одно невыносимое благоухание, от которого стало мутить.

– Не морщите нос, мистер я-все-про-всех-знаю, – заметив на лице констебля недовольную гримасу, произнес гробовщик.

– Похоже ваш запах слишком уж опережает ваше присутствие, – не найдя ничего лучше, ответил Форсберг, стойко перенося рвотные позывы организма.

– Да уж, я у парфюмеров ароматы не выбираю. Мне привычен мой, – гробовщик желчно осклабился, по-видимому, посчитав, что его шутка пришлась как нельзя кстати.

Не разделив подобной радости, Джинкс все-таки попытался улыбнуться, но вместо этого на его лице возникла еще одна недовольная гримаса.

– Вы не думайте, мистер я-найду-всех-злодеев, что я радуюсь, когда кто-нибудь в нашем городишке отдает богу душу, – перейдя на более серьезный лад, начал Лизри. – Мне и самому становится не по себе, когда деревянная крышка гроба закрывает лицо покойного. Вы кстати, из какого дерева предпочитаете гроб? Дуб? Сосна?

Гробовщик зашелся в злорадном смехе.

Мистера Форсберга передернуло от язвительной шутки, но он постарался сохранить спокойствие.

– А ну пошел отсюда, Лизри. Со своими чертовыми шутками топай куда подальше! – Вмешался в разговор Смотритель.

Но гробовщик и не собирался больше оставаться. Мрачные люди в длинных грязных фартуках, погрузили тело возницы в вытянутую и узкую, словно гроб, карету, исчезли в ночи, а вместе с ними испарился и сам мистер Лизри.

После неприятной беседы, Джинкс опять ощутил жуткий озноб. В голове до сих пор стоял леденящий душу смех этого мерзкого типа.

– Сумасшедший мерзавец, – провожая взглядом процессию, пробурчал Смотритель.

– Спасибо, Стенли. Боюсь если бы не твоя помощь, я этой же ночью оказался на кладбище, – пожившись, поблагодарил его констебль.

– Всегда пожалуйста, мистер Форсберг. – Здоровяк расплылся в улыбке. – У нас в городишке много всякого сброда. Привыкайте.

Джинкс учтиво склонил голову, в ответ на низкий поклон Смотрителя.

Кэб медленно кружил по пустым улочкам. Констебль взирал на мрачные, ничем не примечательные дома, а его мысли окончательно заплутав среди скрытых во мраке тупиков, пребывали в состоянии полудремы.

Мерный топот копыт заставил инспектора ненадолго провалиться в безмятежный сон. Юноше приснился одинокий возница повстречавший на своем пути скалившегося желтыми зубами гробовщика, который черным вороньим пером вычеркивал того из бесконечного списка живых.

Потом снилось кладбище. Джинкс безнадежно блуждал, среди высоких каменных надгробий и покрытых мхом саркофагов, понимая, что ему уже никогда не выбраться из этого мертвого государства, где предводительствовал ужасный мистер Лизри.

Он пытался бежать от этого мерзкого, не переставшего гоготать типа, но всегда наткнулся на тупик хитроумных лабиринтов. Облака над его головой проносились с невероятной быстротой, словно и на небе властвовал беловолосый гробовщик, подгоняя и торопя само время.

В очередной раз, в безнадежном поиске верного пути, мистер Форсберг наткнулся на выросшее из-под земли гигантское надгробие. На каменном знаке бесконечности, будто на троне, гордо восседала черная птица. Это уже не выглядело смешным. Ночной кошмар затягивал в себя, выдавая цветные картинки за ужасную реальность.

В какой-то момент инспектор не выдержал – и из его рта вырвался отчаянный вопль.

Сон тут же развеялся, возвратив служителя закона в бесцветный, слегка потрепанный кэб.

Возница осторожно заглянул внутрь, и слегка склонив голову, поинтересовался:

– С вами все в порядке?

– Все в порядке. Всего лишь небольшая усталость, – буркнул в ответ Форсберг.

Сонный взгляд констебля остановился на знакомом двухэтажном особняке. Получалось, что возница, сам того не подозревая, привез его к дому его наставника и непосредственного начальника старшего инспектора Риджи Ла Руфа.

Зевнув, Джинкс окончательно прогнал пелену сна и еще раз взглянул на старую кирпичную постройку из трубы которой, призывно валили сизые клубы дыма. Сомнений быть не могло – он действительно стоял перед домом с гербом полицейского управления Прентвиля.

4

Ночь выдалась на удивление длинной, практически бесполезной. Слишком уж вольготно и напыщенно растолстевшая луна нависала над городом, и словно играя в прятки с крохотными людишками, то и дело скрывалась за редкими рваными облаками. Опустевшие улочки прятались под завесой таинственности тех, кто не выносил дневного света, и не признавал золотистых солнечных лучей. Эти немногие – выбирали ночь; покров загадочного мрака им был гораздо ближе и роднее.

Среди ночных заведений и растворившихся во мраке сна нелепых страхов, они жили полноценной жизнью; они не были оборотнями или тысячелетними вампирами; они были простыми людьми. Людьми – выбравшими ночь.

Пестрая палитра красочных профессий этой незаметной, но очень разношерстной публики, растворившись в сером однообразии мрака, была однотонной и скорее отталкивающей, вызывая у нормальных людей отвращение. Для простой челяди эти незаметные обычному взгляду жители города, казались опасными и чужими. Так было испокон веков, по сей день.... И ни что в этой жизни не собиралось меняться.

Невил выбрал свою профессию, – к сожалению, а может быть к счастью – не по данному признаку. Ночь и день были для него абсолютно равнозначными. Он не проводил вечерних границ и дневных рубежей, по той причине, что у него имелась заветная мечта.

Призрачные лица ночных забулдыг, изрядно подвыпивших продажных девиц и иной шушеры, мелькали перед ним словно мотыльки, заплутавшие во мраке ночи. Кому-то Невил уделял повышенное внимание, кого-то не удосуживал даже мимолетного взгляда. К чему тратить время на заносчивых и потерявших всякую осторожность грабителей. Профессия Невила требовала скорее изящества, чем грубой силы.

Ночь нехотя диктовала свои условия. Неведомая сила притягивала и манила неизвестностью призрачного мрака. Необузданная свобода окунала безропотных юнцов в океан загадок и страстей, тая в себе множество опасностей. Кто был посмелее во всем отдавался судьбе и Всеединому Теосу, иные, осторожно повторяя про себя спасительную молитву, пытались как можно быстрее скрыться за тяжелыми засовами жилища. Но находились среди них и те, кто не представлял себе жизнь среди дневного света. Они прятался за занавесом мрака как за театральной маской, верно хранящей страшную тайну. Убийцы и грабители, воры и насильники: призрачными тенями скользили по мрачным переулкам, не боясь ничего кроме тяжелой длани закона. Но правосудие толи было слишком слепо, толи предпочитало по ночам наслаждаться радужными снами – не сильно обременяя жизнь Отрешенных. И все-таки незримая борьба, как и полагается, шла своим привычным чередом, не спеша делать огромный шаг к примирению.

Юноша заметил совсем молодую девушку, испуганно отшатнувшуюся от двух веселых и сильно пьяных солдат. На его лице загорелась довольная улыбка. Слишком легкая и удачная жертва, – пронеслась в голове юноши мимолетная мысль.

Невил шмыгнул носом и выжидательной походкой, словно крадущийся зверь, направился следом.

Он был не вполне успешным и молодым вором. Потеряв семью, юноша слишком рано попал на улицу и, хотя учился своему ремеслу у одноглазого Таша, проявлению должного мастерства все время мешали какие-нибудь непредвиденные обстоятельства.

Однажды, Невил попытался утащить у одного подвыпившего офицера дорогой мушкет, но оружие, выпав из рук незадачливого вора, попало в отхожую яму. А был случай: юношу чуть не придавило мешками с мукой, когда он попробовал завладеть достаточно крупным барышом заезжего мельника.

Невил не любил вспоминать прошлые неудачи. На этот раз у него все получится, – убеждал он себя. Не может не получиться. Предвкушая скорую победу, Невил потерял руки. Таш наверняка будет гордиться им, когда увидит в руке юноши пригоршню золотых.

Невил не сомневался в успехе. Девушка была одета слишком хорошо для простолюдинки, а то отвращение, с которым она взирала на веселящихся жителей Прентвиля, лишней раз подтверждая тот факт, что данная особа, изысканная неженка и не слишком часто выходит на улицы в одиночестве. Да и к чему, собственно говоря, в такое время скрывать лицо полупрозрачной вуалью, если не хочешь утаить свое высокое положение от косых взглядов в столь неблагочестивом месте.

'Только бы не перехватили Ночные псы', – не спуская с девушки глаз, подумал Невил. Но грабители, словно чувствуя опасения юного вора, обходили девушку стороной, не обращая на нее никакого внимания.

Дождавшись, когда жертва свернет в один из переулков, Невил последовал за ней. В нос ударил отпугивающий запах гнили. Юноша, осторожно прижавшись к стене, и чтобы не закашлять, зажал рот рукой.

Зачем эта молодая особа устремилась в столь отвратительное место, он не знал, но в душе возникло странное беспокойство.

Невил боялся в жизни лишь двух вещей – ходячих покойников и огромной тучи диких пчел. Правда, ни тех, ни других, он за свою короткую жизнь так и не встретил.

Мрак окружил вора, заставив того испуганно выставить перед собой руки. Почувствовав нарастающий страх, Невил все-таки продолжил движение.

Где-то в темноте послышались тихие шаги. Крохотные каблучки, словно спасительный знак разрушили тьму. Невил вынырнул из непроницаемой пелены настолько стремительно и внезапно, что едва удержался на ногах. Тусклый свет далеких окон вырвал из пустоты лохоток старого заброшенного проулка. Возле слегка покосившегося, разрушенного дома, прямо напротив остова стены, стояла его жертва. Не пытаясь понять, в чем дело – юноша шмыгнул за лежащую поблизости кучу хлама и притаился.

Луна с чванливой ухмылкой наблюдала за неопытным воришкой. Возле стены послышался шорох. Невил почувствовал, как ритмично бьется его сердце.

'Что эта чертовка там делает?'

Юноша осторожно выглянул из-за укрытия и, разинув рот, замер на месте. Склонившись возле полуразрушенной стены, девушка аккуратно откладывала в сторону камни.

Все казалось слишком таинственным, чтобы предугадать смысл происходящего. Но в тот момент Невил был увлечен слезкой и не уделял внимания сложным размышлениям. Его взгляд приковала небольшая дамская сумочка, которую девушка небрежно откинула в сторону.

Невероятная удача не могла оказаться дешевой фикцией. Воришка стал осторожно ползти вперед.

Прекрасный шанс, который нельзя упустить. Другой такой возможности у него точно не будет!

Осторожно, стараясь не издавать ни малейшего шороха, он подкрался к девушке. Протянул руку. Пальцы предательски задрожали, словно он пытался дотронуться до холодного без-

жизненного тела. Невил старался не думать о страхе, внезапно сковавшем его. На лбу выступил пот, но он небрежно смахнул пару капель и вновь потянулся к заветной сумке.

Рука дернулась. Невил задержал дыхание.

'Сейчас ни в коем случае нельзя проколоться'.

Сердце готовое вот-вот вырваться из груди колотилось в бешеном ритме. Юноша попытался успокоиться и совладать с нервами.

На мгновение девушка остановилась, отложила в сторону очередной камень и прислушалась к тишине.

Невил замер на месте, растворившись в пустоте ночи.

'Ни единого шороха. Что ее встревожило?'

Стараясь как можно ниже пригнуться к земле, вор осторожно убрал руку и стал ждать.

Девушка внимательно посмотрела на полуразрушенные крыши соседних домов и продолжила свое странное занятие.

Вор облегченно вздохнул.

'Не заметила!'

Рука в очередной раз потянулась к сумке. Пальцы ловко подцепили кожаную ручку, и осторожно приподняв сумку, потянули... Но...

Девушка резко обернулась.

Невил отпрыгнул, словно испуганная мышь.

Сейчас нужно было бежать – мгновенно исчезнув в темноте, выскочить на Ремесленную улицу и затеряться среди хитрых переулков. Только существовало одно 'но': девушка крепко держала вторую ручку. Сумка повисла в воздухе как неделимый приз, между старым и новым хозяином, требуя немедленно определить единственного обладателя.

Невил поднял взгляд – вуаль, скрывающая лицо жертвы, нехотя пала вниз.

5

– Слишком молодой и слишком рьяный. Так я и думал, что вам юноша обязательно надо будет влезть в какую-то невыносимую историю, – бурча себе под нос, старший инспектор Риджи Ла Руф все же пустил констебля в свою, более чем скромную, обитель.

По-старчески кряхтя и неуклюже придерживая обмотанный вокруг пояса теплый плед, пожилой служитель закона, заметно улыбнулся:

– Знаю, знаю. Это очень важное дело. Иначе, вы никогда не посмели бы поднять меня среди ночи, друг мой.

Не смея возражать наставнику, Джинкс беспрекословно последовал за ним.

Он был именно таким: старым, уставшим от постоянных тревог и беспокойства стариком, с проникновенным усердием, изучающим любое, даже самое простое и предсказуемое дело. За долгие годы службы Ла Руф выработал иммунитет на глупых и недальновидных начальников, и не выносил вычурного подхалимства. Может именно поэтому, он в тайне симпатизировал молодому, но излишне дотошному констеблю, который только постигал азы розыскного искусства.

Не обладая выдающейся внешностью, слегка полноватый и достаточно низкорослый старший инспектор, походил сейчас на ошестинившуюся морскую выдру, которая ни как не могла понять, кто посмел потревожить ее спокойствие.

Поставив подсвечник на стол Ла Руф сел в кресло и указал на соседнее констеблю. Джинкс молча подчинился.

– Ну, так поведаете мне о вашем неотложном деле? Ну-ну, смелее...

Инспектор смущенно кашлянул в кулак, начал:

– Происшествие на улице Откровений. Умер возница Ларкис Фрит. Ничего особенного. Заключили, что сердце не выдержало, хотя сам не стар. Серьезных болезней не имел. Никакого насилия, ни следа.

– Но?

Ла Руф прищурившись, уставился на ночного гостя.

– Вы правы, наставник. Есть одно обстоятельство... Все, как бы это выразиться, слишком предсказуемо. И прямолинейно.

– Думаешь, этот возница перешел кому-нибудь дорогу? И коварные убийцы подсыпали обычному извозчику яд, вместо того, чтобы просто тюкнуть его ржавой кочергой по темечку...

Джинкс заметил в голосе старшего инспектора нарастающую иронию и, не согласившись, покачал головой.

– Нет, совсем не так. Я разговаривал со Смотрителем: у Ларкиса Фрита, насколько ему известно, не было врагов. Да и не в этом дело, мистер Ла Руф. Я говорю о другой составляющей преступления.

– Что? – на лице наставника возникло изумление.

– Я говорю, о чем-то потустороннем. Мистическом... не знаю, как точно это называть. – Констебль смутился, но все-таки договорил: – Все в этой смерти говорит именно о некоем необъяснимом факте. Словно убийство без следов, потому как их и быть не может.

Задумчиво почесав подбородок, Ла Руф одарил юного инспектора пристальным взглядом.

– Вы это серьезно, мой друг?

В ответ, тот вынул из кармана иссиня-черное воронье перо и положил его на середину небольшого дубового стола. Старик обыденно покосился на возникший перед ним предмет.

– Это я нашел возле кэба? И еще брат покойного... Его слова о тьме и проклятье, не выходят у меня из головы!

– Всего-то? – кажется, данная тирада несколько не удивила старшего инспектора.

– Простите, но я не совсем понимаю вашей иронии? Вы считаете все мои слова предрасудком? – поразился Джинкс. Ему-то казалось, что здесь он найдет поддержку и понимание, а может случиться – Ла Руф подскажет ему нужную ниточку, которая сотрет все сомнения будничности вечерних событий. Но, к сожалению, наставник был непреклонен, не видя в рассказе своего подчиненного ничего не обычного. И наотрез отказывался верить в доводы инспектора.

Молчание нарушил его голос:

– Я часто сталкивался с подобным сомнением, а по причине чего, и заблуждением, мой юный друг. Поверьте мне: в жизни гораздо меньше непонятого и непознанного, чем может показаться на первый взгляд. – Ла Руф улыбнулся. – Но прошу вас, не повторяйте моих ошибок. Чтобы не произошло, не покупайтесь на пустой цирк, нашей, довольно предсказуемой и не такой уж таинственной жизни. Поверьте, у меня был подобный шрам, который я, к сожалению, не могу забыть до сих пор.

Не став уточнять, что именно хотел сказать старший инспектор, Джинкс поспешил откланяться и покинуть дом, который он столь опрометчиво, осмелился посетить в столь поздний час.

'Сон, это был всего лишь сон!'

Констебль, хоть убей, не хотел верить самому себе. И уж тем более произносить эти мысли вслух. Тогда, Ла Руф, уж точно принял бы его за безумца.

'Сон, это всего лишь сон!'

Ночной кошмар, который медленно но верно обретал реальность, не отпуская свою беспомощную жертву ни на секунду. И доказательство тому лежало у инспектора во внутреннем кармане жакета.

Завтра по городу обязательно поползут нехорошие слухи, – подумал Шрам, и нервно облизывая ссохшиеся губы, быстро отошел от окна. Смерть молодой девушки всегда вызывала в напуганной толпе множество недомолвок и нелепых предположений:

' В Прентвиле появился новый душегуб!',

' Отрешенные вышли на охоту за пределы установленной границы!'.
Всеединый! Если бы они только знали, как далеки от истины.

Устало, переваливаясь с ноги на ногу, мастер подошел к верстаку и посмотрел на результат своего кропотливого труда. Деревянная фигурка маленького мальчика уныло болталась на темной шерстяной нити так, словно являлась каким-то новогодним украшением, а не проклятой расплатой за прежние грехи.

– Ты маленький проказник, как ты мучался, в моих руках... – обратился к фигуре Шрам и застыл в ожидании ответа.

Игрушка оставила слова убийцы без ответа. Старый мастер осторожно провел по нежной детской шейке, где виднелись едва заметные кровавые полосы, аккуратно нарисованные багряной краской. Убийца помнил каждое движение, каждый взмах зловещего ножа. Сотая жертва. Самая сложная – а потому и самая любимая. Улыбнувшись, Шрам представил себя в профессорской мантии среди множества белых, гремящих костями скелетов. Его уменью убивать могла бы позавидовать сама смерть.

Только теперь от кровавого ремесла не осталось и следа, и только все еще крепкие руки, осторожно обхватывая поделочный нож, дрожали в нервном возбуждении.

Сердце заколотилось в невероятном ритме. Виски застучали, и мастер, отступив назад, обхватил голову и тяжело повалился на стул. Незримой нитью, связывающей его с прошлым – были лишь эти фигуры и редкие воспоминания, иногда посещавшие изможденное сознание.

Много раз Шрам пытался лишиться себя жизни. Так просто и без особых изысков: петлю на шею или лезвием по предплечью, но... Работа была не окончена, а значит – умирать было рано.

Убийца затравленно покосился на бесчисленное множество фигур. Они словно смеялись над своим измученным хозяином, который давным-давно отнял у них самое ценное в этом мире.

Внезапно, игрушки закружились в призрачном хороводе, и по комнате разнесся злорадный смех сотни непохожих друг на дружку голосов. Немыслимый танец возник вокруг мастера, проклиная и унижая его.

Шрам хватался за длинные веревки, на которых болтались игрушки – ему катастрофически не хватало воздуха.

Запутавшись, он попытался разорвать неожиданно сдавившую шею рубаху. Если бы он точно знал, что последний глоток воздуха сейчас растворится в пустоте и глаза закроет сумрачная пелена, то ни за что на свете не стал бы сопротивляться. Но это были всего-навсего страдания....

В этот миг ставни окна распахнулись, и во мраке ночи, мелькнуло темное крыло. Нарушая тишину, с улицы раздалось пронзительное карканье.

На лице мастера застыл ужас.

Завывая волком, Шрам выскочил наружу – тусклый свет масляной лампы остался за спиной, а впереди его встретила крошечная тьма.

Перед глазами, словно из-под земли выросли невысокие кряжистые дома, которые походили на уродливых карликов. С немым пренебрежением, они внимательно наблюдали пустыми окнами за хромым безумцем, убегающим от собственной тени.

Не понимая, куда несут его ноги, бывший убийца, задыхаясь, продолжал устало семенить по дороге, в отчаянье цепляясь за кирпичную кладь домов.

Скрытая сумраком улица путала дороги, которые разбегаясь в разные стороны, прятались в подворотне и терялись в многочисленных городских тупиках.

Но Шрама не пугала ночь. Он уже давно забыл, что такое дневной свет, и темнота с радостью заключила своего старого знакомого в крепкие объятия.

Когда-то, выслеживая очередную жертву, он, растворяясь в пустоте, становился с ней единым целым, чувствуя всем телом каждую крупинку коварного мрака. Сейчас, напротив, тьма пугала его.

Сбегая по длинной крутой лестнице, Шрам спотыкнувшись, покатился кубарем вниз.

Встал. Отряхнулся. Ужасно болела нога, но его это не заботило. Неведомая сила как искусный кукловод вела свою игрушку к неизвестной цели, словно сейчас он был той самой деревянной фигуркой – и кто-то умело дергал его за неведомые нити.

За спиной осталась Печальная площадь и Скорбная гавань, а впереди поджидая невинную жертву, начинался квартал Отрешенных. Хотя никто не осмеливался называть эту часть города вслух. За спиной слышался шепот сотни голос, словно кто-то тихо обсуждал несчастного пленника мрачных трущоб.

Шрам возвращался туда, где прошла его юность.

– Пошел прочь, грязный ублюдок! – ударив непрошеного гостя в живот, здоровяк оттолкнул его в сторону.

Мастер бросил на него быстрый взгляд.

Обычный шулер. Ретивый, но очень глупый, да ко всему прочему и настоящий трус. Шрам видел таких насквозь. Чтобы с ловкостью фокусника блефовать за игральным столом, нужно гораздо больше, чем напор и присущая этому дерзкому простаку, наглость. Раньше он с легкостью бы сломал ему шею – даже не поморщившись – лишь за один косой взгляд, неосторожно брошенный в его сторону. Позже, мастер-убийца, конечно, стал более осмотрительным и в сложившейся ситуации проучил бы наглеца. А сейчас, Шрам только удосужил его острого взгляда...

Отскочив в сторону, мастер растолкал вульгарных девиц, которые явно не были довольны столь низкой клиентурой, а потому 'раскудахтались' не хуже опытных товарок. Их бывший убийца тоже видел в числе своих жертв.

Миновав мост Отчаянья, душегуб оказался в одном темном проулке, который откликнулся в памяти немой болью. Именно здесь он впервые познал вкус убийства; и именно здесь, сегодня кричала девушка, попавшая в руки неумелого воришки.

Отдышавшись, Шрам осторожно сел на землю. Холодный камень казалось, горел, обжигая уставшее тело – но встать на ноги так и не смог. Осторожно коснувшись раскаленной поверхности, он мгновенно одернул руку – под ладонью зловеще красовалось огромное кровавое пятно. Впервые в жизни он испугался багряного цвета, будто его застали на месте преступления.

Перед глазами поплыли белые круги, и Шрам не сразу заметил, что в глухой, пропахшей нечистотами подворотне, он был не один. Неподалеку, у крутого моста, мастер узрел сторбленный человеческий силуэт. Трудно было различить, кто склонился над бездыханным телом, но Шраму не нужно было доверять своим глазам – остальные чувства работали безотказно; также как и много лет назад.

Только сейчас он понял: зачем оказался именно здесь. Почему внезапное безумство привело его в эту часть города, на место недавнего неумелого убийства. Шрам оплошал. Ошибся так сильно, как не ошибался до этого никогда.

Неумелый воришка не был убийцей, нет – только не он. В голове мастера, словно отголосок прошлого, возникли призрачные фигуры, открыв ему весь ужас, произошедших здесь событий. Зажмурившись, он ощутил, как тело бьет мелкая дрожь. Булыжники мостовой еще минуту назад источающее тепло, сейчас казались холоднее льда.

– Уйди прочь, Проклятый. Ты совсем некстати появился в этом месте. Ни ты, ни этот сопьяк, – произнес молодой женский голос.

По жилам напуганного до смерти убийцы, разлился зловещий мороз. Приятные нотки голоса незнакомки, показались Шраму мертвой мелодией, будто с ним разговаривала не молодая девушка, а восставшая из небытия колдунья, познавшая изнанку мира.

– Я здесь не по своей воле, – выдавил он из себя.

На лице девушки возникло удивление – хотя об этом Шрам мог только догадываться.

– Мне это не интересно, Проклятый.

Лицо девушки озарилось голубым призрачным светом, осветив пустые, будто окрашенные мелом щеки и лоб. Мастер не смог разглядеть даже глаз, потому как их просто не было.

– Иди вон, Проклятый. Иначе я не посмотрю на твою черную, словно смоль душонку!

Не понимая, кто сейчас разговаривает с ним, мастер молча повиновался, ощутив исходящую от девушки силу.

Она была ни призраком, ни восставшим из небытия мертвецом. От нее веяло тысячью тысяч не упокоенных душ и сотней, а может быть даже дсяти сотен прожитых лет. Шрам знал это наверняка.

Бросив последний взгляд на бездыханное тело юного воришки, мастер покорно приклонил колени и почувствовал, как кружиться его голова. Рядом с телом виднелись следы, совсем крохотных ног...

Мгновение спустя мастер находился в окружение своих деревянных кукол. Сердце сдавленно стучало в груди, пытаясь в отчаянье вырваться наружу. На лице каждой из его поделок красовалась злорадная улыбка, а ужас и страх, которые с такой тщательностью вырезал бывший убийца, ушли в небытие.

Шрам тяжело вздохнул и положил нож на стол. Ему могло показаться – но, видимо, он так не выполнил возложенную на него миссию. Смерть пришла в город раньше, чем он успел создать свою бесчисленную коллекцию игрушек.

Устало стерев со лба внезапно выступивший пот, Шрам впервые в жизни пожалел, что совершил такое количество изысканных убийств.

Куклы продолжали весело смотреть на умельца, всем своим видом уничтожая в нем последнюю надежду на спасение.

2. глава – Городские сплетни.

В этом холодном темном месте, человеческие тела последний раз ощущали на себе всю бренность и скоротечность грешной жизни, отправляясь в далекий неизведанный путь. Мрачные стены давили своей серостью, а комнаты казались низкими и безжизненными, что впрочем, было вполне понятно – место не для живых. Поэтому, даже угрюмые, но не лишённые чувства юмора доктора казались только гостями в этом затхлом хранилище бесполезных человеческих оболочек.

Прямо у входа в узкий коридор стоял небольшой письменный стол, на котором деловито расположился толстенный журнал с учетными записями всех усопших, коим 'посчастливилось' пройти через острый нож врачебных виртуозов.

Мистер Форсберг, недовольно поморщившись от внезапно накатившего помутнения, все же сдержался и учтиво поклонившись, спросил:

– Могу я узнать, проводилось ли вскрытие Ларкиса Фрита? Его привезли сегодня, около полуночи с улицы Откровения.

Бледная молодая студентка, завидев на лацкане пиджака знак констебля, радостно заулыбалась и сделала свет масляной лампы сильнее, так что стало видно, как ее щеки налились

пунцовым оттенком. Пару секунд, она с интересом пожирала глазами молодого человека, и только потом, отвела взгляд и уткнулась в изрезанную острым пером книгу.

Джинкс наблюдал за юной особой и не мог понять: зачем хрупкой симпатичной девушке работать в столь отвратительном и не совсем благочестивом месте, где людям, пускай и почившим с миром, без всякого сожаления и с детской непосредственностью, вскрывались черепа и выпускались наружу кишки. От подобных мыслей инспектора вновь замутило, и он в очередной раз удержал напор того мерзкого осадка, который столь рьяно бурлил в его животе.

– Так вы говорите: Ларкис Фрит? – видимо, поддерживая разговор, уточнила девушка.

Констебль сдержано кивнул, всем видом показывая, что ему не нужна пустая болтовня.

– Сейчас, сейчас... – не унималась красotka.

Ее палец быстро пробежал по ровным строчкам. Пожав плечами, она подняла взгляд на служителя закона, разочаровано захлопав глазками.

– Наверное, он еще на вскрытие... Доктор Харк Монсфрит не любит задерживаться допоздна. И бывает, что тех, кого привезли ночью, он начинает вскрывать только с утра.

– Судебный врач боится темноты? – ухмыльнулся Джинкс и тут же добавил: – Он, по-видимому, еще слишком молод для подобной работы?

– Ну что вы? Доктор Монсфрит старейший специалист...

В глазах девушки отразилось неподдельное уважение, отчего Джинксу стало стыдно за свои достаточно скорые, и как оказалось, ошибочные выводы.

– Только скажу вам одно... – слегка приподнявшись и приблизившись к констеблю, шепотом произнесла красotka. – Вы правы. Какой-то он все-таки странный. Не от мира сего.

– Вот как?

Джинкс заметил в глазах девушки некое беспокойство.

– Да, мистер инспектор, странный он. Очень странный.

Из глубины коридора послышался протяжный скрежещущий звук и сильный хлопок двери. Помощница как ошпаренная отскочила назад и испуганно прикрыла рот руками.

– Ну, кто там еще, Ирби? Опять эти, Кронос их побери, слюнявые родственнички?! – раздался из темноты старый дребезжащий голос.

Мистер Форсберг, загадочно улыбнувшись, с интересом посмотрел в пустоту, откуда донесся недовольный возглас доктора. Затем его взгляд перешел на напуганную студентку. Прижав указательный палец к губам, инспектор подмигнул ей и пошел на голос.

Неординарные, а стало быть, загадочные и непредсказуемые люди – всегда интересовали молодого инспектора. Еще с институтской скамьи он усвоил, что именно они могут дать наиболее полную и ценную информацию для размышления. К тому же – именно они в состоянии, с легкостью, присущей малому несмышленому ребенку, направить на путь истины. Хотя с такой же непосредственностью они способны пустить и по ложному следу, отчего подобный разговор становится приятен вдвойне.

Смело шагнув в полумрак коридора, откуда доносился острый запах спирта и еще множество неведомых ему лекарств, Джинкс ощутил в ногах легкую дрожь. В кармане огнем горело иссиня-черное воронье перо. Но отчего-то мистер Форсберг был уверен, что доктор Монсфрит прольет свет не только на загадочную смерть Ларкиса Фрита, но и на другие необъяснимые моменты, произошедшие в Прентвиле этой ночью.

Подойдя к двери, констебль почувствовал рядом с собой чье-то незримое присутствие, но, не обратив на тревожные ощущения особого внимания, потянул за ручку.

2

Мистер Форсберг с детства ненавидел покойников, и сколь часто не пересекала его жизнь с этим странным явлением, прозванным в народе – смертью, инспектор никак не мог привык-

нуть к холодным, застывшим в нелепой позе телам. Может быть, именно поэтому, когда он попал в кабинет доктора Монсфрита, по странному стечению обстоятельств, помимо яркого света, ему в глаза брызнул еще и настоящий фонтан крови.

Едва удержавшись на ногах, констебль отскочил в сторону, наткнувшись спиной на стеклянный стеллаж. Сверху, словно гром среди ясного неба, полетели огромные банки с человеческими внутренностями, погруженными в жидкость.

– Какого демона, раздери тебя грехи! – проревел доктор.

Еще миг, и Джинкс, не выдержав, сплоховал и потерял сознание – но тяжелый бас Монсфрита живо привел его в чувство, заставив удержаться на ногах. Ловко подхватив одной рукой несколько банок, инспектор стал нервно копаться в кармане, пытаясь найти самый свежий и самый чистый платок, и немедленно избавиться от темного пятна крови.

– Я спрашиваю: что за проклятый Минос принес вас сюда?! – с еще большим раздражением в голосе повторил доктор. В окровавленном халате, и с тонким хирургическим ножом в руке, он походил на заправского убийцу, который готов резать кого угодно в свое удовольствие.

– Разрешите представиться, констебль Форсберг, – пережив подобное потрясение, тихо произнес Джинкс, вытирая платком окровавленное лицо.

– Да по мне хоть призрак лысый! Какого, вы здесь делаете?! А? – продолжил возмущаться доктор.

Инспектор выдержал длинную паузу и, приблизился к столу, на котором возвышалось сизое тело утопшего толстяка.

– Уважаемый доктор, я веду расследование обстоятельств смерти Ларкиса Фрита, и мне хотелось бы узнать...

Констебль так и не успел договорить. Его перебил желчный металлический смех.

– Первый раз слышу такую несусветную глупость, мистер сыскарь. Лучше бы искали мерзких убийц в квартале Отрешенных, чем надумывать себе разную ерунду на пустом месте.

Ощувив на себе колкий, пронзающий насквозь взгляд доктора, сжимающего в руке окровавленный инструмент, Джинкс поежился.

В воздухе повисла напряженная тишина. Первым вновь заговорил доктор:

– И кстати могу я узнать у мистера сыскаря: зачем вы вообще адресовали мне этого самого Фрита? Насколько я могу судить по бумагам, оснований для этого не было? – тон Монсфрита заметно изменился, но все равно остался достаточно нервным.

– Поверьте, у меня были основания, – хладнокровно ответил констебль.

Возможно, инспектору всего лишь показалось, но выпустив пар, доктор немного успокоился, и потерял к нему всякий интерес.

Обойдя стол, мистер Монсфрит снял окровавленные перчатки и, ополоснув руки, подошел к своему рабочему месту, где были раскиданы пожелтевшие от времени клочки бумаги.

– Так говорите, основания? – словно беседуя сам с собой, тихо произнес доктор.

Внимательно следя за собеседником, инспектор промолчал. Короткие, сдержанные движения – ему показалось, что Монсфрит просто-напросто тянет время, не желая продолжать беседу.

Доктор подошел к столу. Присел. Перелистал какие-то ветхие бумаги. Затем, прищурившись, внимательно посмотрел на констебля, не торопясь давать ответ.

– Вы, наверное, желаете, чтобы я еще раз внимательно изучил тело вашего 'таинственного' покойника? – с некой издевкой произнес он.

Джинкс почувствовал, как сквозь жакет пробивается острие пера.

– Скажите, доктор. На вашей практике бывало так, чтобы человек не имея смертельных болезней, внезапно отдал Всеединую душу. Я повторяюсь – внезапно.

Монсфрит перевел взгляд на заспиртованную в банке почку, и задумчиво повертев ее в руке, произнес:

– Вот вы и сами ответили на свой вопрос, мистер нюхачь. Если он отдал душу, я не смогу отыскать причину этому своим ножом. Тут медицина, к сожалению, бессильна. А человек без души не сможет выжить, обладай он хоть здоровьем быка, хоть удачей самого Кроноса.

С улицы, сквозь толщу стен, донесся надрывный вой собак, ожидавших скорую кормежку. Монсфрит вздрогнул и затих.

Банка, не удержавшись в его руках, полетела вниз и с грохотом ударилась о каменный пол.

3

Внутренний уклад Прентвиля был устроен не так просто, как на первый взгляд могло показаться обычному путешественнику, которому посчастливилось попасть за городские стены. Темные улицы, призрачные тени, возникающие среди безжизненных фигур каменных домов – не всегда оказывались зрительным обманом. И тогда, человеческий разум, выдавая желаемое за действительное, упрямо старался погасить возникший в сознании страх. Но было поздно. Не различая границ, чужак с легкостью мог попасть в капкан Восточной части города, там, где закон улиц был сильнее человеческого понимания, а жизнь не стояла здесь и жалкого суона.

Стоя вблизи Праведного моста и, вглядываясь в тихую гладь воды, Джинкс продолжал думать над словами врача... так ли он был далек от истины?

Еще пару сотен лет назад, хранители церкви нещадно уничтожали зеленоглазых, рыжеволосых девиц, считая их разносчицами зла. Хрупкие фигуры исчезали среди жарких языков пламени, повисали на дыбах, и гнили в сырых подвалах инквизиторов. Считалось, что человек в рясе может вершить суд, лишая жизни невинных, по одному указанию перста божьего, – и это было самым весомым основанием.

Рыжие волосы – ведьма! Пепельные кудри с голубым отливом и разноцветные глаза – колдун. Тогда, все было предельно ясно и понятно. Тогда, но не сейчас.

Когда-то, еще будучи старательным студиозом, Джинкс запомнил одно выражение: 'Нужно бояться – живых, а не мертвых'.

Припомнив сейчас эти слова, констебль задумчиво усмехнулся, не сводя взгляда с мутной воды Забвения.

Психованные убийцы, насильники и безжалостные душегубы, которыми так пугали местную челядь, казались сейчас чем-то далеким, нереальным. Устрашающие лики смерти исходили в данную минуту совсем от других вещей. Нож или стилет теперь не были безмолвными слугами – напротив, у слепой старухи, появилось более осязаемое лицо. Ворон с темным, словно смоль крылом, будто незримый инквизитор нового времени, лучше любого оружия решал судьбу обычного ни в чем не повинного человека.

Джинкс отвел взгляд в сторону и посмотрел на извилистую, вымощенную булыжниками дорогу, исчезающую за крутым бугром.

Всеединый! Как легко было поверить в нечто неизведанное и невозможное, чем стараться найти этому любое, более или менее, логическое объяснение.

Ворон – убийца, приговаривает человека к смерти, отнимая у человека самое ценное – его душу! В голове хороводом закрутились сотни непохожих друг на дружку мыслей.

Джинкс достал из кармана воронье перо. Иссиня-черный контур, словно богатое украшение красовался в руках констебля, всем своим видом показывая свою значимость.

Он снова вспомнил сон и ощутил, как по телу пробежала странная дрожь. Та же улица, повозка, возница... Живые картинки, вернули его в недавний ночной кошмар. Все до мельчайших подробностей.

Перо мгновенно исчезло в потайном кармане сюртука, оставив разгадку тайн до лучших времен.

Видение отступило, но странное беспокойство продолжило тяготить душу инспектора, а череда мыслей – путаться среди предположений, догадок и украшенных налетом безумия идей.

Поверить или нет? Все доводы и доказательства, которыми так любил козырять молодой констебль, сейчас, не имели никакого смысла. Что противопоставить логике и здравому смыслу? Только сон и этот смоляной знак присутствия некой загадочной силы.

А может быть совпадение?

Ни одного довода! Ни одного контраргумента! Никакой маломальской зацепки!

С чем сравнить? Сопоставить? На что сослаться?!

Гонимый хаотичными мыслями, Джинкс внезапно осекся.

Стоп! Как он мог забыть?!

Лучший студент университета Правдивости, надежда и будущая гроза преступного мира, оплошал. За такую несобранность преподаватели наверняка отходили бы его розгами.

Привычная дотошность, заставила констебля идти по пути наименьшего сопротивления и в конечном итоге, привела в тупик.

'Неудивительно'.

Что мог рассказать ему старый инспектор Ла Руф и погрязший в человеческих останках доктор Монсфрит, если они изначально не рассматривали данную смерть как плоды небесной кары. А стало быть, возникал второй, вполне закономерный вопрос: был ли бедный возница единственной жертвой ворона?

Сравнение. Упрямый факт способный изменить картину происшедшего коренным образом.

Только кто в состоянии с полной уверенностью ответить: где и каким образом умер человек. Город последние годы не очень-то поддавался на пустые слухи и рассказы о загадочных призраках, вершивших судьбу беззащитных прохожих.

Внезапно Джинкс почувствовал настоящее озарение. Возможно истории о таинственных смертях – если такие существовали, кружа среди серых трущоб – могли копиться только в одном месте. Наполняясь подробностями и обретая покой среди вечных могил, они умирали вместе со своими героями, сохраняя истинную правду в неприкосновенности.

Приободренный духом, Джинкс смело зашагал в сторону Старого городского кладбища, желая как можно скорее пролить свет на призрачный покров своего расследования.

4

Эта часть города для местных жителей казалась самым спокойным местом на всем белом свете. И хотя многие из них никогда в своей жизни не покидали пределов Прентвиля, уверенность в данном утверждении была велика, и оснований думать подобным образом, с каждым годом, становилось все больше.

Тенистые аллеи, оберегая крохотные портовые улочки города, уходя куда-то вверх и теряясь в густых рощах, всегда успокаивали и вызывали в сердцах людей только умиротворение. Приветливые и миролюбивые товарки редко видели здесь уличные потасовки, и еще реже до их слуха доносилась грубая речь. Говорят, что здесь любому кто предпочитал дневному свету мрак ночных улиц – становилось не по себе, и он старался скорее покинуть эту часть города, скрывшись в лабиринтах отдаленных подворотен.

Возможно, это было лишь очередное заблуждение, не успевшее обрасти противоречиями и лопнуть, словно мыльный пузырь, где-нибудь среди торговых рядов, дав место новой, невероятной сплетни.

Шрам постоял немного у небольшого шумного фонтана и, отдышавшись, направился дальше. Серое безжизненное лицо за несколько последних часов стало абсолютно белым, словно его как кусок теста вывалили в муке.

Пустые звуки прибывающего в легкой дреме квартала, отскакивали от пожилого ремесленника как от стенки. Никаких эмоций. Только отрывистые воспоминания. Кажется, Шрам сделал фигурку местной жертвы второй по счету – молодая товарка даже не успела испугаться, ощутив на шее тонкую петлю.

Остановившись возле высокого резного забора с изображением святых мучеников, мастер закашлял и смачно плюнул на пыльные булыжники. С каждым годом он все острее ощущал приближение старости.

– Эй, рвань! А ну пошел вон! – белобрысый верзила кинул в сторону убийцы презрительный взгляд.

Мастер промолчал.

– Ты че, глухой? Я сказал: пошел прочь, старикашка! – незнакомец протянул руку и замер.

– Скажи Кайоту, что он дождался своего давнего приятеля.

Верзила, испуганно сглотнул и опустил взгляд на холодное лезвие, которое едва касалось его живота.

Злобная улыбка, казалось, отражала на лице мастера гораздо больше эмоций, чем могло показаться на первый взгляд.

Его вели по широкой каменной лестнице, проводили из зала в зал, молча исполняя неведомый приказ. В любом другом случае он не смог бы попасть даже на порог этого шикарного дома.

Шрам двигался молча, не задавая лишних вопросов и не кидая по сторонам лишних взглядов. Его глаза и без того с легкостью выхватывали из богатого интерьера необходимые детали, что еще раз доказывало – он не ошибся.

Дом принадлежал не ворчливому снобу или напыщенному сэру. Все слишком сдержано, но не скупое, из чего можно было сделать простой вывод – хозяин знает цену вещам, но не принадлежит к когорте избранных Магистрата. Подобной особенностью обладали в основном тонкие ценители прекрасного или проще сказать – истинные коллекционеры.

Остановившись возле огромной картины, исполненной в темных тонах, Шрам с интересом взгляделся в лицо напуганной до смерти девушки, на которую из темноты улиц взирало неведомое чудовище.

– Вас ждут, – более чем учтиво напомнил один из проводников.

Дверь в огромный кабинет, открылась со скрипом, который напомнил мастеру протяжный стон умирающего кондитера – это было его шестое убийство.

Комната оказалась просторной, с множеством лакированных шкафов, украшенных резными рисунками. Посередине стоял массивный дубовый стол и несколько простетских стульев, будто хозяин кабинета навязчиво пытался поставить себя выше своих гостей. Но Шрама мало интересовал этот противоречивый факт. Уже давно звон монет стал для него пустым звуком, и проявление роскоши вызывало только протяжное урчание в желудке.

– Если и ожидать от пятницы сюрпризов, то лишь таких, чтобы поразили в самое сердце.

Невысокий пузатый мужчина средних лет, пригладив лысину, растекся в приятельской улыбке. Его одутловатое лицо в форме груши мгновенно приобрело первоначальный вид, словно и не было этого короткого проявления чувств.

– Я не планировал этого визита, – мрачно ответил мастер. – Но судьба оказалась выше моих предпочтений.

Двое большущих детин, притаившихся в дальней части кабинета, нахмутив брови, двинулись в сторону гостя, но взмах пухлой руки, заставил их остановиться.

– Оставьте нас. Все равно если он захочет воспользоваться своим кинжалом, вы даже глазом моргнуть не успеете. – Хозяин указал слугам на дверь.

Охрана быстро исчезла в коридоре, явно обидевшись, услышав подобную оценку своей несостоятельности. Но на толстяка их недовольные гримасы не произвели особого впечатления.

– Что, удивлен?

Шрам равнодушно пожал плечами.

– К чему этот цирк, ты же знаешь: я отошел от ремесла.

– Брось, – отмахнулся хозяин. – Перерезать горло случайному обидчику, это проще, чем заказать фрикасе в ресторане Ла Буссе.

– С каких пор, ты стал глух, Кайот? – вместо ответа, мрачно поинтересовался Шрам.

Зло сверкнув глазами, толстяк все же обуздал внезапные эмоции.

– Мистер Рундо. Слышишь, зови меня мистер Рундо. Иначе я не намерен тратить на тебя свое драгоценное время.

Шрам не стал спорить.

Задержавшись возле окна, за которым раскинулся прекрасный карликовый сад, Кайот в один миг оказался возле стеллажа с огромными старинными книгами и, потянувшись к корешку одной из книг, резко остановился.

– Я должен умереть в ожидании?

Его собеседник не спешил отвечать. В отличие от Кайота, Шрам уже давно не торопил время, и со стороны могло показаться, что он стал излишне медлителен.

Присев на стул, гость выжидающе постучал пальцами по столу, и смилостивившись, не стал больше тянуть:

– Ты похож на благородных сэров из палаты Лордов. Не больше не меньше, зажавшийся толстосум!

– Я удостоился твоего общества, чтобы услышать от тебя несусветную чушь. Чего тебе надо, Шрам? – лицо Рундо вновь изменилось, окрасившись ненавистью.

– У меня не так много времени, – невозмутимо ответил мастер. – Скажи, сколько Сычей, горбатятся на тебя?

– Что? Задавать мне такие вопросы! Ты случаем, не сдвинулся ли?

Резкий удар по столу, дал выплеск эмоциям.

– У меня нет желания влезать в твои дела. – Шрам даже бровью не повел.

– Тогда говори чего надо и убирайся, – мистер Рундо сделал усилие, и сменил гнев на милость.

– В городе – дорианцы.

Кабинет наполнила тишина. Внимательный взгляд толстяка пронзил визитера, пытаясь проникнуть в его голову и разгадать заветные мысли.

– Ты не шутишь?!

– Не умею, – Шрам отрешенно перевел взгляд на книжную полку. Книги, тесненные золотом, имели совсем никчемные названия: ' Тайны северных морей Плача', ' Секреты гор Воодушевления', ' Ночные преграды Одиночества', и так до бесконечности.

Тем временем, заложив руки за спину, глава Отрешенных мерил кабинет быстрыми шагами. Он явно был обеспокоен новостью.

Шрам без труда чуял тревожные мысли Кайота, которые, по-видимому, разрывали в клочья его лысую голову.

– Но ведь еще не срок! Она явно прибыла раньше. Почему?

– Откуда мне знать. Я свое уже получил, – равнодушно заметил Шрам.

– Ты уверен в сказанном?

– Не собираюсь осенять себя клятвой. Но Крылатая тварь явно решила погостить в нашем греховном городишке.

– Ты говорил с ней? Чего она хочет? – на лбу Кайота выступила испарина.

Мастеру нечасто приходилось видеть хозяина душегубов таким напуганным – и в глубине души, радовался, что оказался в урочное время в нужном месте.

В руках мистера Рундо появилась толстенная сигара. Не утруждая себя любезностью, он не предложил гостю закурить. Серебряная зажигалка с гравировкой черепа щелкнула, крохотный огонек коснулся сигары. Толстяк жадно затянулся, выпуская клубок сизого дыма.

– Нервы ни к Кроносу, – следя за каждым движением Кайота, заключил Шрам.

– Просто не хочется поджариться в котлах Минса раньше положенного срока. Хм, да кому я, собственно говоря, рассказываю. Скажи, каково это: перейти дорогу великому слуге Всеединого?

– Ничего особенного, – стараясь не обращать на слова собеседника внимания, ответил Шрам. – Только вот ночью, меня навещают мои прежние друзья. Ты ведь помнишь всех, кого отправил в подземелья Кроноса.

Мистер Рундо с недоверием посмотрел на мастера, который тихо добавил:

– Я же говорил, что не умею шутить.

В ответ, Кайот грустно улыбнулся, будто и вправду его обуревали мерзкие воспоминания прошлого.

– Что ж, пожалуй, мне пора, – кряхтя, Шрам встал из-за стола и, шаркая ногами, поплелся к выходу.

– Так просто встанешь и уйдешь? – удивился глава Отрешенных.

– Теперь это твоя проблема, решай ее сам, – крякнул мастер и покинул кабинет.

Оставшись наедине со своими мыслями, Кайот еще долго курил сигару, а затем, подойдя к книжному стеллажу, коснулся одной из книг и потянул ее к себе. Тишину нарушил скрип и треск скрытого механизма. Стеллаж медленно отъехал в сторону, открыв узкий коридор, ступеньки которого уходили куда-то вниз.

Мистер Рундо, взял со стола подсвечник, зажег свечи, приблизился к тайному ходу и исчез в темноте.

5

Восточная часть города, погрязшая в бесчисленных заводах и фабриках, чадила непередаваемым 'ароматом' труб и смрадом мусорных долин. Именно тут притаилась крохотная заброшенная колокольня, охраняющая границы городского кладбища. Случайные гости здешних мест обходили старый покосившийся забор, из-за которого выглядывали остроконечные грани фамильных склепов и крохотные плиты безымянных могил, стороной.

После того как по городу, лет шестьдесят назад, проплыла волна чумной эпидемии, люди считали, что кладбище источало не только смерть, но еще и ужасную заразу от которой нет спасения.

Мистер Форсберг расплатившись с возницей, подошел к большим арочным воротам, на которых красовалась призывная надпись: ' Мы будем ждать вас вечность'. Буквы давно выцвели, и среди покрытых мхом и почерневших от времени кирпичей, мерещились призрачным отголоском темного прошлого.

Возле входа толпилась целая толпа старух с широкими подносами.

– Купи упокоение! Купи упокоение! – верещали они противными дребезжащими головами.

Шарахнувшись от излишне напористых торговок, только сейчас констебль вспомнил, что завтра состоится праздник Порока. В этот день в Прентвиле было принято дарить умершим песочные часы, в знак скорого окончания невероятных страданий, которые им уготовил Кронос.

– Возьми. Всего два суона, – прохрипела худая, сгорбленная старуха в длинном черном платке.

– Спасибо. Но мне это ни к чему, – придержав шляпу, инспектор учтиво раскланялся.

– Не зарекайся, – недовольно хмыкнула старуха. – У нас слишком много грехов, чтобы не обращать на них внимания. Нельзя забывать об этом, тем более в день Порока.

На лице древней, словно сама жизнь торговки, появилась беззубая улыбка – только один желтый пенек еще болтался в верхнем ряду.

Попятившись назад, мистер Форсберг наткнулся еще на одну торговку. Со всех сторон раздались недовольные возгласы:

– Внимательнее, олух. Ну надо же...

– Смотреть надо куда прешь.

– Какая невоспитанная молодежь!

– А еще благородный!

Краснея от стыда, констебль ловко проскочил между склочными старухами и попал на порог Старого кладбища.

У самого входа покоились самые древние жители Прентвиля. Могилы их были покрыты мхом, а кое-где из расколовшегося гранита торчали ростки кустарников. Кинув на надгробия пренебрежительный взгляд, инспектор так и не смог разобрать ни слова – буквы были замазаны грязью, а некоторые плиты практически наполовину погрузились в землю.

Ровная, заросшая травой дорожка напоминала улочку в городе вечных мертвецов. Здесь было невероятно тихо и безмятежно. Даже птицы не смели тревожить покой тех, кто давно покинул грешную землю.

Повстречав по дороге несколько опечаленных дам в черных одеждах, Джинкс не решился поприветствовать их и смущенно отвернулся.

Свернув направо, дорога вывела его, к округлому каменному домику, который среди всего этого мертвого величия выглядел огромной усыпальницей какого-то богатого сэра, решившего и после смерти выделиться над другими несчастными.

Возле входа в обиталище служителей кладбища было многолюдно. Убитые горем родственники, не скрывая своих эмоций, вели разговор с одним из могильщиков, договариваясь о цене погребения. Скрестив руки на груди, чумазый толстяк невольно кивал головой, будто не желая скидывать ни одного суона. Женщины плакали, мужчины хмурились, отвернув взор – в такую секунду никто не думал экономить.

Констебль попытался пробиться через толпу, но столкнулся с такой стеной непонимания, что решил не спорить. Ощущая себя не в своей тарелке и невероятно смущаясь, он решил не вступать в бесполезный спор.

– О, мистер хочу-езде-все-раснюхать, – раздался из-за спины инспектора ужасно знакомый голос.

Гробовщик Лизри с нескрываемым радушием смотрел на мистера Форсберга, словно был готов услужить ему абсолютно во всем; даже предоставить новую могилку и закопать служителя закона дешевле обычного.

– Хм, прошу прощения. Я к вам по службе, – деловито ответил Джинкс, тут же добавив: – Дело в том, что у меня есть необходимость, – кашлянув в кулак, он осекся, удивляясь внезапной встрече.

– Ну конечно же, мистер разгадаю-все-тайны. Иного ответа я и не ждал. К нам ведь обращаются или по службе, или по необходимости... ни как иначе. На крайний случай пока не призовет Кронос или его мерзкий брат Минс. Они, знаете ли, весьма непредсказуемы в своем выборе.

– Не слишком остроумно, – поморщился Джинкс.

– Однако в вашем юном возрасте уже стоит ценить подобный юмор. И все-таки позвольте полюбопытствовать: какая судьба привела вас в нашу скромную обитель? Или опять будоражите покойников ради праздного интереса? – Лизри напомнил инспектору гнусного хорька, который не успокоится пока не испортит жизнь всем окружающим.

– Как это ни странно, но мне необходима ваша помощь.

– Сделаю все, что в моих силах. Только не просите меня вскрыть могилу и копать в смердящих останках. День Порока не терпит подобного кощунства.

– Безусловно, нет, – тут же откликнулся констебль. – Мне необходима только информация и ничего больше.

– Тогда я весь обращен в слух. – Лизри сцепил перед собой длинные костлявые пальцы, и противно хрустнув ими, приготовился слушать.

Закусив губу, Джинкс задумчиво посмотрел на убитых горем горожан толпившихся неподалеку, затем перевел взгляд на могильщика и спросил:

– Скажите, мистер Лизри. Часто ли вам привозят покойников, которые закончили свой жизненный путь по причине слабого сердца, а возраст умерших, не достиг и сорока лет?

Гробовщик состроил глупую гримасу:

– Скажите, мистер подозреваю-всех-вокруг, я что похож на бородатых старцев Университета жизни? Мое дело обмерить, сколотить и закопать... а возраст мне их совершенно ни к чему.

– Но возможно вы обратили внимание. Совсем недавно. Скажем, вчера либо этой ночью?

– Да хоть прошлым летом. Мне неинтересны эдакие подробности.

– Жаль, – слишком легко согласился инспектор. Но Лизри остался безучастным.

– Тогда позвольте откланяться. Иных вопросов у меня более нет. – Инспектор Форсберг уже собрался было уходить, когда его окликнул гробовщик. Неприятный смрад, вырвавшись вперед слов, заставил констебля недовольно поморщиться, но его собеседник остался безучастным к подобной реакции.

Приблизившись практически к самому уху служителя закона, он вкрадчиво прошептал:

– Не лезли бы вы мистер проныра, в дела неведомые вам. Беспокоить тех, кто попал в услужение Кроноса сродни великому греху. Поостерегись, а то легко поплатитесь собственной жизнью.

Затаив дыхание, чтобы избавиться себя от тошнотворного запаха гнили, констебль наморщил лоб и, не проронив ни слова, направился к выходу. Вступать в бесполезный спор с этим отвратительным слугой 'гроба и лопаты' он считал ниже своего достоинства. И уж тем более не хотелось относиться к его словам всерьез. Город и без того был переполнен пророчествами и предзнаменованиями, заставляя перепуганную челядь трястись от страха, вознося молитвы безликому повелителю времени.

Погруженный в свои мысли Джинкс совсем не заметил, как свернув в противоположную сторону, оказался в дальней части кладбища, где росли стройные осины и широкие кряжистые дубы.

Здесь были древнее самого времени и выглядели иначе. Трехгранные пирамиды из белого песчаника, чуть ниже человеческого роста, казались разрушенными практически до основания. Почернев от времени надгробья Вчерашней эпохи, напоминали огромные муравейники. Над одной из граней, направленной на север, виднелись продолговатые изогнутые буквы.

Язык предков был незнаком констеблю, но он без труда различил цифровые обозначения возраста умершего, данные имени и предсмертное послание потомкам. Раньше процесс погребения был един для всех, без различия по вере и положению: ни праведникам, ни грешникам.

– Ищите предков?

Низкий хрипчатый голос пронзил констебля не хуже рыбацкого гарпуна. Заозиравшись, он не сразу заметил низкорослого чумазого старика. Выпятив напоказ свой беззубый рот, тот дружелюбно буравил взглядом случайного гостя.

– Простите, я видимо заблудился, – произнес Форсберг первое, что пришло в голову.

– Здесь невозможно заплутать, – отрицательно замотав головой, не согласился старик. – По доброй или злой воле, а все равно окажешься среди пирамид. Ведь, зачастую, наитие само ведет нас к смерти.

Для простого могильщика старик показался инспектору весьма красноречивым. В отличие от этого бессердечного отребья, которые не гнушались снимать с умерших любую золотую побрякушку, этот случайный человек походил на истинного философа, окончившего академию Новых наук: эдакая белая ворона среди мрачной стаи.

– Стало быть, моя интуиция... – предположил Форсберг.

– Ваша интуиция помогает вам. Но твой путь пока идет стороной от смерти, – достаточно уверенно произнес старик, невежливо перебив констебля.

– Это ведь совсем неплохо, – на лице Джинкса появилась едва заметная улыбка.

– Может быть да, а может, и нет. Всему свое время, – согласился старик.

Повернувшись к собеседнику спиной, могильщик быстро потерял интерес к разговору и продолжил свой тяжелый труд. Лопата с треском врезалась в сухую, твердую землю – раздался противный хруст. Могильщик тихо выругался, удобнее обхватив инструмент. Из-под земли, извиваясь будто змеи, торчали длинные, толстые корни.

– Идите вы в преисподню!

Быстрый удар лопаты, как результат работы ловкого палача, разрубил противника пополам.

– Вот так, – победоносно произнес старик и небрежно смахнул проступивший на лбу пот.

– Разве в этой части кладбища еще хоронят? – не спеша распрощаться с незнакомцем, поинтересовался констебль.

– Из любого правила бывают исключения, – все с тем же налетом глубины мысли, пояснил могильщик, и тут же добавил, – а бывает, что и не бывает.

С жадностью, пожирая слова старика, Джинкс не знал, как реагировать на загадочные изречения. Вроде бы наполненные глубоким смыслом фразы, в общем-то, по сути, были абсолютно лишены логики, отчего, тут же, нещадно разбивались о стену непонимания.

Осторожно приблизившись к одному из захоронений, инспектор невзначай коснулся серой грани и в одну секунду, песчаник превратился в песок.

Вначале зашевелилась трава, передав эстафету ветвистым деревьям; в мгновение ока, шелест листьев разбежался по закоулкам кладбища, растворившись едва различимым перешептыванием.

Лицо могильщика сделалось бумажно-белым и, прижав палец к губам, он вкрадчиво пролепетал:

– Не стоит их беспокоить. На их долю и так выпало достаточно испытаний. Они этого ужасно не любят.

– Простите, вы это о ком? О покойниках?! – догадался констебль.

Безусловно, внезапный ветерок и протяжное эхо, посетившее мертвый мир, любому смельчаку чудились чем-то зловещим – но поверить в то, что усопшие умеют общаться, покидая владения бессмертных, казалось инспектору полнейшим абсурдом.

– Они ненавидят непрошенных гостей, – продолжил старик. – Особенно те, кто натворил в свое земное время достаточно греховных страстей. Обычно их называют Падшими. Ненавижу этих бездушных тварей.

– Хотите сказать, что мертвецы могут возвращаться в наш бранный мир, – без особого энтузиазма поинтересовался Джинкс.

В груди странной дрожью откликнулся недавний сон, но констебль быстро прогнал ненавистное воспоминание. Слепые доводы, сомнения, страх перед признанием очевидного окончательно пленили разум инспектора, не дав ему ни единственного шанса.

– В сущности, загробный мир не ограничивается сентиментальной надписью на надгробии и слезами убитых горем родственников. Есть нечто большее, – сплюнув на руки, старик продолжил свой тяжелый труд.

– И где же этот самый мир находится?

– Не так далеко. Достаточно обернуться, – продолжая копать, буркнул могильщик. – Но, к сожалению, банальной логикой ты не отыщешь путь к иному миру.

– Благодарю, но как мне кажется, пока еще рановато общаться с мертвецами и слушать советы Падших, – поблагодарил констебль, уже собравшись закончить этот разговор, и в подтверждение добавил: – Спасибо за содержательную беседу.

– Не за что, – старик надавил на лопату и откинул очередной пласт земли. – Как только поверите, приходите. Надеюсь, перо не даст вам слишком долго витать в небесах.

– Простите что? – Джинксу показалось, что он ослышался.

– Я говорю, последнее время здесь стало слишком мало птиц. Странно, не правда ли? – старик вновь улыбнулся, лишь на секунду остановившись, вновь вернулся к работе над свежей могилой.

– Безусловно, – задумчиво согласился собеседник, откланявшись.

3. глава – Не доверяй чужим словам.

После посещения Старого кладбища, у констебля остался неудачный привкус, словно его гортань наполнилась теми ужасными запахами, что сопровождали погребальные церемонии. Видимо, подобный незримый след оставался у посетителей некрополя в назидание, тем, кто считал, будто смерть никогда не отыщет его за каменными стенами Прентвиля.

Еще раз, остановившись у входа и покосившись на огромные семейные склепы, инспектор краем глаза заметил невысокую девичью фигуру. Склонив голову и спрятав лицо за черным платком, она оплакивала обреченную душу своего родича. Рядом, утешая несчастную, стоял пожилой худощавый мужчина средних лет. Одежда выдавала в нем морского волка, либо одинокого служителя маяка. Не скрывая эмоций, сопровождающий прикрывал единственный глаз, другой был скрыт повязкой.

Встретившись взглядом с девушкой, мистер Форсберг быстро отвел глаза.

Следовало как можно скорее покинуть это царство обреченности и уныния, в противном случае, трясина несчастья еще долго будет будоражить сны впечатлительного служителя закона.

Быстро свернув на ремесленную площадь, констебль постарался поскорее стряхнуть с себя шелуху недавних воспоминаний. При этом не мешало бы переодеться, и сжечь почти новый жакет, вместе с этим невыносимым запахом. Но сейчас, к сожалению, просто не было времени. Из головы ни как не выходили слова могильщика.

'Неужели он углядел в моем кармане воронье перо? Или я всего-навсего ослышался?' – терзался сомнениями констебль.

– Мистер инспектор. Мистер инспектор, – окликнули служителя закона.

Перед Форсбергом стоял Смотрящий, который прошлой ночью охранял труп Ларкиса Фрита. Смущенно переминаясь с ноги на ногу, он нервно теребил полицейский котелок.

– Стенли? Что вы здесь делаете?

– Мистер Форсберг, я искал вас повсюду, – голос Смотрящего заметно дрогнул.

– Вот как, – инспектор был явно удивлен. – Что же заставило вас...

– Вы были правы. Ну, на счет возницы. Это все не к добру. Тем более в праздник Порока. Такие вещи случайно не происходят. Это явное предзнаменование! – перебив собеседника, затараторил полицейский.

– Простите, я не совсем понимаю, – Джинкс почувствовал как стремительно забилося сердце.

Полицейский быстро закивал и, повернувшись, указал на дальнюю улицу, туда, где кончалась граница цивилизованного города, и начинался квартал Отрешенных.

– Прошу вас, не задавайте пока вопросов. Я покажу. Все покажу! Пойдемте.

Джинкс не стал спорить.

Стенли Фишбор был славным малым, отдавшим всю жизнь служению закону, и редко чесал языком почем зря, а стало быть, десять раз думал перед тем как заводить подобные разговоры.

Высокие трех этажные дома резко сменились, старыми заброшенными лачугами и каменными, покосившимися от времени торговыми постройками. В квартале Отрешенных царили свои правила, и служители закона редко чинили здесь произвол, разыскивая в здешних трущобах душегубов и разбойников. Все происходило иначе. Здешний мир сам выдавал полицейским неугодных лиц, дабы не нарушать временного перемирия. Избавляясь от слишком заносчивых, а может быть, излишне заигравшихся Отрешенных – преступный мир вырывал их из своего сообщества, словно гнилой зуб.

Мистер Форсберг не оправдывал подобную политику, но спорить с теми, кто уже давно захватил власть в Прентвиле, не имело никакого смысла. Город не одно столетие жил по своим правилам, а те, кому они не нравились, шел на корм рыбам или питал червей в сточных канавах.

Они свернули в один из закоулков и оказались в огромном тупике. Редкие окна, выходящие внутрь двора, были закрыты ставнями, а узкая деревянная дверь – крест-накрест заколочена досками. По углам лежали кучи старого, сгнившего мусора. Между дырами в осыпавшейся кладке бегали огромные крысы.

– Не самое приятное место, где мне когда-то приходилось присутствовать, – осмотревшись, подытожил мистер Форсберг.

– Ваша правда. Днем выглядит также жутко как ночью, – согласился Смотрящий. – Аж мороз по коже, когда представишь, что здесь произошло.

На лице инспектора застыл немой вопрос.

– Сейчас я все объясню, – заметив взгляд Форсберга, тут же отреагировал Стенли. – Мы прибыли сюда вчера за полночь, сразу после того, как гробовщик Лизри забрал труп возницы. Местные рыбаки сообщили, что здесь произошло убийство... Но на самом деле они ошиблись, поэтому случившемуся не дали огласки, а ограничились вызовом Смотрящего.

– И причем здесь господин Фрит? – поинтересовался констебль.

В ответ полицейский нервно закивал.

– Я такого не в жизнь не видел. Здесь нашли юношу, совсем еще мальчик. Местные нащептали, что, мол, работал он по карманам, да иной мелочи. Ни с кем на дороге не пересекался, нравом был кроток. Ничего необычного. А тут...

– Что же в его смерти такого необычного? – не понял инспектор, внутренне ощущая некое беспокойство.

Привычного укола, острого пера не последовало, но внезапно, страшно разболелась голова. Где-то неподалеку раздались пьяные крики и глухие удары. Смотритель дернулся, нервно обернулся и, перейдя на шепот, продолжил:

– Это не прямое убийство, и не яд, а иное душегубство. И вот что странно, мистер Форсберг. Сердце мальчика просто разорвало в клочья. Будто изнутри. Его словно что-то напугало, да так сильно, что на лице застыла гримаса ужаса...

После последнего слова Смотритель умолк, вновь закрутив головой. Только сейчас Джинкс заметил, насколько утомленным выглядит полицейский: мешки под глазами, бледная кожа, двухдневная щетина, волосы, торчащие в разные стороны, – он словно затравленный, ошетилившийся зверь не мог найти себе места.

Неважно с чем это было связано, но теперь Джинкс наконец-то почувствовал томительное волнение. Ускользящая от него нить расследования помахала ему хвостиком, в последний миг, показав верное направление. Следующим шагом, стоило немедленно сопоставить все 'за' и 'против', узнать все подробности и обстоятельства происшедшего в квартале Отрешенных.

Еще одна странная смерть. Пытаясь отыскать ее концы на Старом кладбище, он обнаружил след в том месте, где убийство стало такой же обыденностью, как прием пищи.

Сорвавшись с места, будто цепной пес констебль внимательно осмотрел плохо освещенный закуток, пыльную поверхность земли и старые испещренные дырами стены двух домов-близнецов. И только тщательно изучив тупик, затем обратился к Стенли:

– Внешне он был цел? – и, заметив на лице собеседника замешательства, инспектор тут же пояснил – Простите, Стенли, я выразился не совсем точно: я имел в виду труп юноши.

– Да, безусловно, – без промедления откликнулся Смотритель. – Ни единой царапины или шрама. Да и в кармане нашлось пару суонов, стало быть, не ограбление. Местный знахарь осмотрел его внимательнейшим образом, никакой зацепки, как и с мистером возницей. Я вот тогда и подумал, что происшествия эти очень похожи... Одной ночью... Внезапно... И у обоих сердечко не сдюжило. Не правда ли, слишком много совпадений. Что же его смогло так напугать, вот в чем большой вопрос?

До последней фразы констебль слушал собеседника в пол уха, но когда тот вновь завел шарманку про внезапный испуг, не выдержал:

– Скажите, Стенли. Почему вы считаете, что юношу напугало что-то неживое?

– Ну как же... это же очевидно, – в голосе полицейского мелькнули нотки откровенной обиды.

В один миг он оказался у правой стены и указал на землю и начал рассказывать:

– Смотрите же, вот здесь и здесь. Это явно следы женских туфелек. Ночью они были совсем свежие, такие, как от ботинок умершего. И еще вот здесь... – Смотрящий переместился к левой стене и продолжил: – Она прошла вот здесь, по краю, словно чего-то опасалась. А здесь что-то обронила. Воришка, видимо, хотел поднять, но она заметила его. И никаких иных следов...

– То есть вы считаете, что хрупкая девушка уж точно никак не могла напугать юного вора? – Джинкс захотел улыбнуться, но в последний момент передумал. Это могло оскорбить полицейского в его рвении.

Но как оказалось, тот и не думал отступать от своей смелой версии.

– Безусловно. Я много думал, и вот что пришло мне на ум. Если бы вора напугал человек или какое другое существо, девушка тоже лишился бы чувств. Правда, все могло быть совсем иначе...

– И как же?

– А что если ту, что мы считали хрупкой девицей, вовсе таковой не являлась, – вкрадчиво, почти шепотом, произнес Стенли.

– А кем же она являлась? – искренне удивился мистер Форсберг.

Но Смотрящий так ничего и не ответил, а лишь растерянно пожал плечами.

– Не знаю. Я всю голову сломал. Только ничего на ум не приходит.

Проследив за полицмейстером, Джинкс ощутил, что его вновь разрывают на части непреодолимые противоречия. Вроде бы, все сходилось, и события действительно могли происходить так, как предположил Стенли. Только здравый смысл никак не хотел одобрить нарисо-

ванную картину – слишком уж все было предсказуемо... Впрочем и смерть Фрита казалась вполне простой и объяснимой.

Если бы только не было того странного сна!

Присев на каменную ступень перед входом в заколоченную дверь, Стенли уставился в полумрак узкой улочки, обреченно произнес:

– Я чувствую, что схожу с ума. Этот юноша просто не выходит у меня из головы. Только закрываю глаза, а его лицо передо мной.

Не зная как утешить служителя закона, констебль отошел в сторону и отвернулся. Трудно представить, что такой крепкий и мужественный человек мог в одночасье обмякнуть, превратившись в незащитное создание.

– Спасибо за помощь, Стенли. А теперь, идите домой. Вам просто необходимо отдохнуть. А мне – побыть одному и все взвесить.

Смотритель молча кивнул. Его понурый силуэт быстро исчез в узких переулках домов, оставив мистера Форсберга одного.

Воспринимать смерть постороннего человека как собственную трагедию, прямой путь к душевным страданиям и расстройствам разума – данную аксиому молодой инспектор запомнил навсегда еще с институтской скамьи. Только избежать этой участи было гораздо сложнее, чем виделось на первый взгляд. Место преступления, как водоворот затягивало каждого, кто хоть раз оказывался здесь – и тогда на плечи служителя закона ложилась не только ответственность, но и боль, и отчаяние тех трагических обстоятельств, которые вихрем врывались в его размеренную жизнь. Многие не выдерживали, ломались, и необязательно сразу, а, к примеру, как Стенли, через долгие годы службы. И это было неизбежно!

Джинкс грустно вздохнул. Мысли возникли сами собой.

'Настоящее безумие. Подумать только, иду на поводу у собственного ночного кошмара. Пытаюсь отыскать следы там – где их не может быть по определению. Зачем? Собственная блажь или желание выискать истину?' – ответа не нашлось. – 'Всеединный, кажется, я схожу с ума', – растирая уставшие глаза, инспектор вернулся к своей работе.

Стоило еще раз тщательно осмотреть место происшествия – так, как учили в университете. Без тени сомнения и оглядок на противоречия.

Шаг за шагом, Джинкс измерил периметр – никаких зацепок, только следы, внезапно появляющиеся и исчезающие возле стены каменного дома и крохотные, почти кукольные отпечатки у самого угла.

– И не надоело капаться в человеческих трагедиях? Имейте хоть какое-то уважение!

Услышав за спиной чужой голос, констебль заметно вздрогнул. Отпрянув к стене, он резко обернулся. В узком переулке, преградив единственный выход, стоял стройный мужчина с черной повязкой на лице. Мистер Форсберг сразу узнал его. Именно этот мрачный тип утешал молодую мисс у Старого кладбища.

2

Спотыкнувшись о последнюю ступеньку, Кайот выругался и, поставив подсвечник на небольшой стеклянный столик, зябко поежился.

Комнатка была небольшой, но невероятно уютной. Стены, украшенные старинными гобеленами, обволакивал приятный малиновый свет, источаемый парой пузатых ламп, а в дальней части комнаты у камина, стояло большое кожаное кресло.

– Скажи, Рун почему мы предпочитаем дню, ночь? – поинтересовался из полумрака мужской голос.

Вопрос явно застал гостя врасплох:

– Не знаю.

– Ночь скрывает недостатки таких как мы, – пояснил голос.

Кайот кивнул, так и не решаясь пройти внутрь.

– Здесь достаточно прохладно. Даже я чувствую этот вездесущий сквозняк. Огонь не греет, и вообще обстановка не очень, – пояснил голос. – Располагайся.

Гость еще немного помялся у входа, но все-таки подошел к камину, осторожно прикоснувшись к спинке кресла. Огонь за кованой преградой приятно потрескивал, извиваясь ужом, но действительно не грел, словно все тепло из него высосала неведомая сила.

Осторожно повернув кресло, Кайот устался на пустую спинку.

– Присаживайся, – учтиво предложил голос. – Извини, что не могу предложить легкого вина. Тебе сейчас не помешало бы ощутить приятный, слегка терпкий аромат, как раз в тон разговора... Но на нет, как говорится. Так что придется пить прокисшее. И разговор видимо будет соответствующим.

Только теперь Кайот поднял голову и посмотрел на огромную кабанью голову, чучело которого немым стражем застыло над камином. Смоляные глаза убитого животного смотрели поверх гостя. Видимо и после смерти, животное сохраняло непреклонность перед жестокой судьбой. Из открытой пасти выглядывали крохотные обломанные клыки и глубокие рытвины шрамов – было очевидно, что зверь проиграл в бою, недооценив хитрого противника.

– Зачем они пришли? – обратился к чучелу Рундо. – Мы ведь исправно оплатили дань. Ответь: чего им нужно?

Комната наполнилась тишиной. Голос не спешил давать ответ, а Кайот не мог скрыть своего волнения.

– Да, давненько я не видел главу Отрешенных таким встревоженным. Ты действительно сильно обеспокоен, – сочувственно произнес голос.

Глаза гостя и чучела встретились. Крохотные пуговицы стеклянных буркал, казалось, смотрели сквозь Кайота, не замечая его.

Не выдержав, Рундо отвел взгляд.

Огонь в камине затрещал и сошел на нет, исчезнув между головешек, не став тревожить беседующих.

– Я знаю, что они в городе. Почему? – настойчиво повторил Кайот. – Прошу, ответь!

Огонь вспыхнул ярко-ярко. Лепестки резко взмыли вверх, извиваясь змеями. Мистер Рундо заметно вздрогнул.

– Нервы совсем не к демону, – с сожалением произнес голос. – Твои мысли слишком тревожны. Интересно, где же былое холоднокровие, а?

Скулы Кайота нервно заиграли, и он едва сдержался, чтобы не плеснуть в чучело вином. Глава гильдии несказанно презирал своего предшественника. Долгие годы, преклоняясь перед этим тираном и самодовольным убийцей, мистер Рундо взрастил в себе настоящую ненависть к этому скверному человеку. Так поступали практически все, кто хотел задержаться в гильдии – иные незамедлительно шли на корм червям.

Тот, чья душа таинственным образом задержалась в этом мире, в голове давно убитого кабана, уже седьмой год держал в страхе квартал Отрешенных. На пирсах стали поговаривать, что осторожный во всех отношениях Кайот нашел себе тайного покровителя, который направляет его на истинный путь, оберегая от интриг и случайной смерти. Мистер Рундо не раз слышал за спиной настороженные перешептывания и надо заметить был несказанно рад такому положению вещей. Страх неизвестности в таких делах лучший хранитель от любой неприятности и коварного врага. Пускай те немногие, кто решит подсыпать ему яда или воткнуть в спину кинжал, десять раз подумают, чем оголтело решатся на хитрую расправу.

– Ты всегда думал лишь о своем брэнном теле, хе-хе, – прохрипел голос. Кайот поднял усталый взгляд – на морде чучела сияла широкая улыбка.

– Зато тебя, кажется, подобная проблема давно не беспокоит, – желчно парировал Рундо.

Ухмылка чучела мгновенно сменилась устрашающим оскалом:

– А ты изменился, падальщик. Раньше твой язык обычно скрывался за зубами и помалкивал от греха подальше. Что за времена? Что за нравы?

– Мы, кажется, отвлеклись, – решив не доводить беседу до бессмысленных пререканий, Рундо смочил горло отвратительным вином и добавил: – К чему нас посетили Дорианцы? Разве кто-то нарушил закон? Отрешенных хотят призвать к ответу? Или все дело в Крылатых? Олисийцы затеяли очередную игру?

Быстрого ответа не последовало. Голос либо выжидал, либо просто издевался, не забыв недавнюю обиду.

Огонь мерно потрескивал в камине, наполняя комнату ледяной прохладой. Кайот по привычке сделал еще один глоток и поморщившись, отставил вино в сторону. Морозный воздух принес странный запах – запах жимолости.

– Олисийцы. Дорианцы. Бесконечная война добра и зла. В белом есть что-то черное, а в черном виднеются яркие пробелы. Поверь, Кайот, их паритетные отношения существуют только на бумаге. Они могут улыбаться друг другу, но как только представится возможность, не прочь разыграть интереснейшую партию...

– Стало быть, небольшая схватка, прихоть бессмертных, – мрачно подытожил Рундо.

– Скорее пари. Некое время препровождение, – голос на миг замолк и продолжил: – хотя я могу ошибаться. Скука иногда толкает на подобные меры. Если бы ты только знал, как меня бесит это бесконечный треск огня. Не спеши жить, Кайот. Не спеши жить...

Собеседник оставил последние слова без ответа. Слишком много мыслей вихрем ворвалось в его голову, взбудоражив, закрутив, заставив погрузиться в тревожные воспоминания.

Их портовый городок редко становился полем случайной битвы. Не смея совать нос в дела бессмертных, Отрешенные исправно приносили жертвы демонам, и зыбкий нейтралитет продолжал сохраняться долгие столетия, и по сей день.

Но когда среди узких улочек внезапно, в одну из ночей, возникал образ безликой женщины или мужчины – мир замирал. Горожане, скрываясь за крепкими ставнями, трепетно вспоминали Всеединого, вознося молитвы, а улицы после захода солнца казались тише погоста, и только перекасти-поле гонимый ветром по пустынной брусчатке пересекал границу города. И вот тогда Прентвиль застывал, прислушиваясь к каждому постороннему шороху. И одинокие свечи, исчезая в темных окнах, сливались с ночным мраком, заставляя воображение живо представлять ужасных чудовищ, призванных властью демонов.

Кайот поморщился и щелкнул пальцами, отгоняя тревожные мысли. Ему совершенно не хотелось становиться даже сторонним наблюдателем подобных 'споров' бессмертных.

Взгляд господина Рундо в очередной раз покосился на замершую над камином щетинистую морду. Кабан выглядел высокомерно, будто насмехаясь над бесчисленными проблемами и страхами простых смертных.

3

Вернувшись в свою старую, пропахшую стружкой и сыростью лачугу, Шрам заварил чай и осторожно присев на краешек низкого стула, кинул короткий взгляд на свои куклы. Тошнотворный запах ударил в нос, заставив мастера поморщиться. Сплюнув, он отвернулся. Как же ему опостылел этот бесконечный труд. Время уже давно растянулось для него словно патока, в один большой день. Каждое утро было похоже на предыдущее и предугадывало последующее. И только тот самый рассвет, когда он приобрел свою новую профессию, запомнился ему навсегда...

... Лучи солнца нагло пробивались сквозь завешенное занавесью окно, заставляли хозяина комнаты щуриться. По улице серыми тенями мелькали случайные горожане, не взирая по сторонам и не заглядывая в узкое окно старого дома. Им не было дело до Шрама, и он был не против подобного безразличия.

Отойдя от окна, он вальяжно развалился в кресле-качалке и достал из-за спины нож с широким клинком, выемкой на пяте и ограничителем. С интересом повертел оружие в руке, ловя яркий отблеск. На лице Шрама возникла довольная улыбка.

Лезвие было идеальным. Конечно, это не охотничий нож для свежевания туши и не чужеземный клинок с зазубринами – но последние дни он доставлял своему хозяину истинное удовольствие.

Внезапно взгляд Шрама привлекла едва уловимая капля крови, на самом конце лезвия.

На лице убийцы появилось раздражение. Он просто ненавидел грязное оружие, словно грязную женщину, предлагающую всем и каждому любовь всего за пару суонов.

Подхватив кусок крахмального платка, Шрам с наслаждением протер лезвие.

В этот самый миг раздался стук в дверь.

Убийца ругнулся. Он не любил, когда его отвлекали, от любимого дела, к тому же давно нужно было сменить ночлег. Не ровен час, нагрянут Смотрители или того хуже пронырливые ищейки.

Но сейчас Шрам был спокоен. Случайный гость не был полицмейстером, иначе убийца наверняка почувствовал его гнилое нутро. Внутреннее чутье еще не разу не подводило убийцу.

– Не заперто, – произнес Шрам.

Дверь не открылась. Гость словно специально выжидал, и не спешил посещать временное пристанище.

Оружие мгновенно исчезло в тайных ножнах за спиной.

Раздался скрип, и в небольшую комнатку ворвался поток света, да такой яркий, что Шрам пожалел, что позволил гостю зайти.

На пороге стоял высокий худощавый мужчина. Его лицо скрывал обмотанный вокруг головы широкий шарф, а походный плащ с поднятым воротником был застегнут на все пуговицы, словно за окном царило ужасное ненастье.

– Чем обязан?

Шрам не выказал даже крохотного удивления.

Гость молча прикрыл дверь и сел напротив. Плащ и высокие сапоги были забрызганы грязью – стало быть, издавека, – заключил убийца, ведь Прентвиль уже второй месяц был поглощен ужасной засухой.

– Мне порекомендовали вас для одного деликатного дела, – внезапно произнес гость. Его голос показался Шраму слишком мягким и учтивым.

– Что за дело? Господин, э...не-знаю-вашего-имени, – ответил убийца.

Черные, словно ночь, глаза гостя заметно сощурились. Выждав паузу, он произнес:

– Разве в вашем ремесле нужны имена?

– Хм, раньше меня никто не называл ремесленником, – на лице Шрама возникла мимолетная улыбка.

Не отреагировав на слова собеседника, гость запустил руку внутрь плаща. На столике возник увесистый мешок. Убийца равнодушно покосился на вознаграждение. Раньше он никогда не брал денег за умерщвление людей. Знающая публика, за спинами шепталась, что, мол, молчаливым душегубом, руководит сам Мортс, глава Дорианцев. Но в отличие от впечатлительных воришек из квартала Смущений, Шрам не верил в бессмертных, чьи души затерялись среди грязи и смрада проклятого тремя богами Прентвиля.

– Кто он? – не преминул поинтересоваться убийца.

– Обычный плотник. Джорни Крабс, трудяга и прекрасный семьянин. Работает в порту с начала до конца недели, прямо у Тихой гавани. С восхода до заката солнца. Там ты сможешь его найти всегда.

– В чем же он оступился в своей никчемной жизни? – тут же вступил убийца.

– А я считал любопытных в твоём ремесле, не держат? – вопросом на вопрос ответил гость.

Шрам не скрывал – ему очень нравился этот странный разговор с незнакомцем. С каждым новым словом в его голове возникали противоречивые мысли. Неподдельный интерес к безобидной жертве, за которую вручили неплохую награду, казался для него недостижимым плодом.

– Сроки?

– Уложишься в три дня, получишь вторую часть вознаграждения, – голос гостя из мягкого и певучего в мгновение ока превратился в камень.

Видимо в отличие от убийцы его стала раздражать затянувшаяся до неприличия беседа.

Убийца молчал, словно специально набивая себе цену.

– Хорошо, – внезапно произнес Шрам.

Глаза гостя удивительным образом сверкнули белизной, словно на мгновение его зрачки превратились в крохотные осколки зеркал, отразив яркие лучи солнца.

Не протянув руку и не скрепив сделку иным способом, незнакомец, молча покинул скромное пристанище молчаливого убийцы.

Шрам не задался вопросом: откуда он пришел и как нашел его, среди тысячи Отрешенных? Он просто лег спать. Завтра предстоял нелегкий день. Ответив согласием, он взял на себя особое обязательство, и не имело смысла отступать назад.

Незнакомец в испачканных сапогах не походил на шутника, и, конечно же, потребует беспрекословного выполнения заказа. Шрам знал наверняка!

... Наутро с первыми лучами солнца убийца оказался в порту. Сонные крики чаек уже давно растворились, среди громких возгласов рыбаков и горнов торговых кораблей. Здешний мир рано проснулся и уже с восходом солнца жил полной жизнью.

Скрип пружинистых досок под ногами и пыль от пузатых, стянутых веревкой тюков, никак не давали сосредоточиться, то и дело, отвлекая от роящихся в голове мыслей. Увернувшись от ничегоневидающих моряков, спешащих по своим делам, убийца, наконец-таки, оказался в Мастерском доке.

Здесь пахло стружкой и смолой. Снующие туда-сюда плотники, словно трудяги-муравьи, облепили скелетный каркас недостроенных кораблей. Шныряя по лестницам и сходам, они создавали впечатление бесконечного, неутомимого механизма.

Кто же из них Джорни? Убийца не знал. Впервые в жизни он столкнулся с выбором жертвы. Раньше все происходило иначе: они сами находили свою судьбу, выплывая из призрачной ночной дымки как глоток спасительного воздуха.

– Эй, увалень, падай мне скобы!

– Сам возьми, не безрукий!

– А ну поторапливайтесь, бездельники!

Острый взгляд Шрама пробежался по доку. Каждый из трудяг был мастером своего дела, и каждый из них вполне мог иметь большую семью и трудился от заката до рассвета.

Случайного гостя – в этом кипящем вареве тяжелого и ответственного производства – толкнул один из носильщиков. Шрам отступил назад, оступившись, и едва удержался на ногах. Справа взвыла пила, разрывая сухое дерево. Кто-то затянул пошлую песенку, сотня хрипых похмелья голосов подхватили.

Убийцу замутило. Ему стало ненавистно это шумное место и обязывающий его договор, с незнакомцем в грязных сапогах.

Сплюнув себе под ноги, Шрам уже решил ретироваться и поскорее покинуть этот неугомонный муравейник, когда услышал чей-то низкий баритон.

– Подери тебя, Джорни! А ну подай мне, ящик!

Непринужденный взгляд. Победная улыбка. Убийца развернулся и направился домой. На сегодня его работы была окончена...

... следующий день оказался куда удачливее. Купаясь в лучах утреннего солнца, идеально чистое лезвие ножа блистало в предвкушении скорой встречи с брэнной плотью. Шрам ликовал. Новый способ охоты – как бальзам на душу, среди серости приевшегося наслаждения. А ведь и вправду, ему приелась прежняя жизнь. Ночь, легкий испуг, взмах ножа и развязка. Убийство стало для него банальной повседневностью.

Но сейчас все стало иным.

Целую ночь Шрам ворочался не в силах заснуть. Просчитывая все до мелочей, он жаждал новую жертву. Пытался отойти от привычной спонтанности происходящих событий. Ведь ему самому под силу спланировать убийство, подготовив все так, чтобы ни одна ошибка не вкралась в идеальный план.

– Как ты считаешь, он попытается бежать? – обратился убийца к своему ножу.

Сталь сделалась почти ледяной и не стала отвечать хозяину.

– Мы ведь не дадим ему этого сделать?

Нож сверкнул чистотой в знак подтверждения.

– Мы не упустим его. Он не избежит заслуженной кары.

Переливаясь всеми цветами радуги, оружие молчаливого убийцы радовалось как дитя.

Шрам убрал нож и исчез среди людской толпы. Сегодня ему предстояла утомительная работа – необходимо было просчитать все до секунды...

... Сегодня был ответственный день. Взяв с собой еще одного друга – инерционный стилет с череном длиной превышающим в два раза длину клинка – убийца с восходом солнца дежурил на пристани.

Джорни пришел на работу в числе первых. Ловко взявшись за дело, он желал разделаться с тяжелой работой до наступления изнуряющей дневной жары. Того же хотел и Шрам.

Теперь он – убийца, не будет прятаться под покровом ночи. И день станет его союзником в этом коротком сражении.

Все будет именно так – появление с солнечной стороны; стремительный укол тонкого, словно игла лезвия; и бесконечное наслаждение собственной работой.

Шрам с жадностью втянул пропитанный солью свежий морской воздух, радуясь внутренним переменам. Сделал шаг вперед. Стремительно. Слово снежный барс он проскользнул мимо стропил, и затаился в тени огромной кучи мусора стружки и строительного пенка. Теперь оставалось только выждать.

Солнце быстро клонился к зениту, работа спорилась и плотники выглядели более чем довольными. Шрам проверил стилет – холодная рукоять грела душу как никогда.

Звон набата, возвестил о перерыве. Три протяжных удара и шумный муравейник распался в мгновение ока. Громко переговариваясь люди, словно послушные животные, потянулись к кухне. Живая вереница быстро покидала док.

Пора.

Убийца мгновенно выскользнул из своего укрытия, и сразу же слился с толпой. Еще вчера он не поленился достать рабочие обноски, в которых трудятся на верфи.

Мысленно Шрам, будто песочные часы послушно отсчитывал секунду за секундой. Ни в коем случае нельзя сбиться. Другого шанса у него сегодня может и не быть.

Протиснувшись между парой здоровяков, от которых как от свиней, изрядно несло потом, убийца оказался прямо за спиной жертвы. Джорни шел не спеша, вразвалочку, не обращая на окружающих его работяг, никакого внимания.

Замечательно, – мысленно ликовал Шрам. Все, так как он и планировал. Еще секунда и он поразит жертву. Быстро и без лишних хлопот. А пока все поймут – что к чему, он уже будет у порта.

Рука инстинктивно потянулась к рукояти, когда мощный толчок в плечо заставил убийцу сбить шаг и едва не упасть на месте.

– Что за!

– Шевели копытами!

– Не спи раззява! – послышались со всех сторон недовольные возгласы.

Шрам стиснул зубы, но ничего не ответил. Цель была превыше всего.

Нагнав жертву, Шрам вновь пристроился за Джорни.

...Тысяча пять, шесть, семь, восемь... – одними губами прошептал убийца. Стилет приготовился к удару.

В спину устремились сотни взглядов – отчего стала зудеть спина.

... Тысяча, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...

Он едва не потерял драгоценные секунды.

... Тысяча двадцать, двадцать один, двадцать два ...

Единственный шанс, другого не будет.

– Папа, папа! – внезапно разнеслось над толпой.

Детский голос. Совсем еще ребенок, может быть лет пять-шесть.

И все вокруг стихло. Шрама словно оглушил гул толпы, и внезапно исчезнув, оставил лишь этот радостный возглас.

... Тысяча сорок, сорок один, сорок два, сорок три...

Глаза нашли девочку и еще несколько ребятишек стоящих рядом с ней. Они все словно цыплята окружали стройную, миловидную женщину, которая держа на руках совсем маленькую кроху, тревожно вглядывалась в толпу.

– Папа, папа!

Джорни заметил детей и помахал рукой.

... Тысяча пятьдесят шесть, пятьдесят семь, пятьдесят восемь...

Они увидели его, и на их лицах возникла довольная улыбка.

Этого Шрам не учел. Семья жертвы была здесь совсем ни к чему.

... Тысяча шестьдесят, шестьдесят один, шестьдесят два...

Тонкое лезвие коснулось шеи Джорни и мягко, словно в расплавленное масло вошло внутрь.

Краем глаза Шрам заметил, как исказилось лицо детей, какой испуг и отчаянье в один миг охватили их. Женщина смотрела на мужа, не веря в реальность произошедшего. Ее лицо сделалось бледно-серым, и из гортани вырвался ужасный, душераздирающий крик. Убийца не слышал его, но сердцем ощущал блуждающую вокруг смерть.

Мир будто специально замер и остановился, заключив странный договор с Кроносом. Секунды растянулись в минуты, и Шрам, негодуя, послал проклятия бессмертным душам. Ему ни к чему были эти сопливые стенания, рев детей и мольбы новоиспеченной вдовы. Работа выполнена. Но как ни утешал себя убийца, выполненная работа не принесла былого удовлетворения.

Поморщившись, Шрам нехотя посмотрел на багряную струйку крови, побежавшую по шеи и плечу Джорни – совершенно незнакомого человека.

– Иди в бездну! – прошипел убийца.

Резкий удар ногой должен был разрушить невыносимое наваждение. Пускай он отступит от плана, изменит собственным принципам, выдаст себя. Все и так уже давным-давно шло в обход рассчитанного плана.

Почти безжизненное тело развернулось на месте – Шрам встретился с лицом жертвы, на котором застыло лишь удивление и обида, что его прекрасная жизнь, оборвалась так внезапно.

Убийца плюнул в лицо Джорни и повторный удар заставил замершее время разбиться вдребезги и побежать с новой силой. Словно фарфоровая ваза, тело несчастного плотника распалось на миллионы крохотных песчинок, которые будто неуловимые слезинки сразу исчезли в лучах яркого солнца.

Последующая чехарда событий стала для убийцы настоящим испытанием стойкости.

Окружавшие Шрама люди очнулись и вонзили в него горящие ненавистью тысячу взглядов. Их лица исказились: лица вытянулись, носы стали крючковатые, а глаза расширились, загоревшись пламенем. Сейчас трудолюбивые плотники больше напомнили мерзких чудовищ, готовых вот-вот наброситься на беспомощную жертву.

Убийца ощутил бешеный ритм сердца. Он ликовал. Никогда в жизни его не обуревал непреодолимый страх, – и никогда в жизни он не находился на пороге собственной смерти.

– Идите в чистилище! – Шрам оттолкнул от себя несколько костлявых рук.

Толпа сжалась вокруг недавнего убийцы, готовая затоптать его или разорвать на части. На земляных лицах появился звериный оскал.

Шрам явно ощутил дыхание смерти. Его он не мог спутать ни с чем. Именно так ловили ртом воздух его бесчисленные жертвы, пытаясь, хоть как-то уцепиться за ускользающую жизнь. Сейчас на их месте оказался тот, кто так легко и непринужденно распоряжался коварной судьбой.

– Оступился!

– Проклят!

– Распорядился!

– Проклят!

–Пари закрутилось! – в унисон шелестели голоса, словно старый дремучий лес.

– Пошли вон! – Шрам ударил ногой нескольких нападавших.

Человеческие фигуры, звякнули, будто разбившийся сервиз и толпу накрыл песочный дождь. Убийцу переполняло внезапное превосходство. Еще никто не мог справиться со Шрамом!

Стилет поразил несколько податливых тел, которые разлетелись в одну секунду.

Гул накрыл округу. Убийца, внезапно ставший жертвой, отчаянно боролся за жизнь, уничтожая на своем пути одного за другим плотника. Кровавое оружие пело свою песню, наслаждаясь каждой новой смертью.

Лица мелькали по кругу. Руки, неестественно вытянулись, превратившись в кривые ветки. И как не изворачивалась жертва, его куртку разорвали в клочья, а на спине и шеи появились несколько кровавых шрамов.

Озверевшие работники дока продолжали нападать, и в какой-то момент Шрам понял, что ему явно не справиться. Силы были на исходе, а уродливые гримасы оживших мертвецов тянулись к нему, клацающая зубами и стараясь дотянуться до шеи.

В следующий миг убийца взвыл по-звериному, опустив руки.

В один миг, над ним возникла огромная пасть ужасного чудовища, сверкающего чешуйчатой кожей. Вынырнув из морской пучины, извивающийся змей проглотил пирса, положив конец бесконечной схватке.

Шрам сидел посреди пустой комнаты. Напротив него стояло кожаное кресло бардового цвета, на котором словно судья Тианского правосудия, восседал недавний заказчик.

Незнакомец равнодушно взирал на убийцу, черными, словно чернила глазами.

Осмотревшись, Шрам не обнаружил в комнате ни одного окна, только дощатый пол и стены, будто его запихнули в огромный торговый ящик.

– Как ощущение? – поинтересовался незнакомец.

Ответа не последовало.

Лукавый взгляд заказчика осмотрел Шрама с ног до головы, остановившись на кровавых отметинах.

– Не привычно, не так ли? – перефразировал свой вопрос собеседник.

Убийца, наконец, кивнул и осторожно произнес:

– Кто ты? Зачем все это устроил?

– Ого, сразу два вопроса, – порадовался заказчик. – Я считал: ты более многословен.

Клянусь, Серым городом, ты такого раньше не видел?

Не обращая внимания на разговор, Шрам опасливо подошел к стене и коснулся того места, где должно было располагаться окно. Обернувшись, он поинтересовался:

– Почему я это вижу? Трава чун-чун?! Ты подсыпал мне ее в еду?

– Не говори ерунды, – разочаровано поморщился собеседник и отвернулся. С шеи медленно соскользнул шарф, открыв лицо заказчика.

Он почти походил на человека. Почти лишь с той оговоркой, что у него был огромный прямой нос, занимающий чуть ли не половину лица, и напоминал стальной конус древних доспехов.

Шрам видывал и не таких уродцев на ярмарке в Диксиде и устрашающий вид незнакомца ничуть не удивил его.

– Может быть, перестанем играть? – скрипнул зубами убийца. – Если ты не подсыпал мне в еду всякую дрянь и не желал свести меня сума своими фокусами. Объясни, что происходит?!

– Я хотел поблагодарить тебя, Шрам, – простодушно ответил заказчик, не утруждая себя лишними объяснениями.

Поправив шарф, собеседник сверкнул узкими щелочками агатовых глаз.

– Я не ослышался? Поблагодарить?! – не понял убийца.

В подтверждение, заказчик кивнул:

– Не удивляйся, ты помог мне в одном деле. Все получилось идеально, без единой промашки.

– Постой, – остановил его Шрам. – А как же все эти мерзавцы, похожие на живых мертвяков и морской змей!

– А?! Ты вот о чем, – даже не смотря на заслоняющий лицо шарф, убийца понял, что тот улыбнулся. – Это всего-навсего антураж. Слышал такое слово? Ну, так вот – это он и есть. Позволь еще раз поблагодарить тебя за участие. И прощай.

Заказчик ловко щелкнул пальцами, и мир вокруг Шрама в очередной раз изменился.

Он словно угодил в вонючую трясины – ноги увязли в дощатом полу, который мгновенно стал жидким, стены начали закручиваться по спирали, а в нос ударил резкий запах уличных помоев.

Убийца хотел заорать, но быстро понял бессмысленность данного поступка. Медленно погружаясь в зелено-коричневую жижу, Шрам удивлялся собственной наивности и беспечности, с которыми он взялся за подобный заказ. Авантюра обернулась отнюдь не желаемой победой.

Тело практически погрузилось в деревянную трясины. Последний раз, взглянув на стремительно меняющийся мир, он с грустью вздохнул и набрал в грудь побольше воздуха.

Вокруг простирались болотные поля: ни дома без окон, ни равнодушного заказчика. Из топи то и дело вырывались огромные пузыри и быстро лопааясь, изрыгали из себя запах тухлых яиц.

Справа, в паре десятков шагов, стояло засохшее дерево. Его ветки причудливо изогнувшись, были раскинуты в стороны. На одной из веток сидел огромный ворон. Шраму не сразу удалось заметить этого странного гостя. Среди здешней хмурости и призрачной непроницаемой дымке, птица выглядела как неживой экспонат мрачного 'антуража'.

Позабавившись собственными мыслями, убийца цыкнул на неугодного наблюдателя за его позорной смертью. Но птица даже не дернулась, продолжая с интересом смотреть на погружающегося в трясины человека.

– Что, наслаждаешься?! – из последних сил выкрикнул Шрам, назойливой птице.

Ворон молчал.

– Ничего и на этого 'шутника' найдется каратель! – хихикнув, заявил убийца.

На этот раз ворон не остался безучастным. Болотную тишину разрезал резкий голос. Протяжное 'карррррррааааа' разнеслось по округе.

Жижка ласково булькнула, и Шрам резко погрузился с головой, исчезнув в пустоте бездны.

С этого дня его жизнь изменилась до неузнаваемости. И он уже не знал, живет ли он или просто существует, в этом проклятом злыми и добрыми духами мире.

4

– Я лишь хочу узнать правду, и наказать виновных, – выпятив грудь вперед, авторитетно заявил констебль.

Человек в повязке скорчил надменную мину:

– Не говорите ерунды, мистер ищейка. Не в вашей власти бороться с бессмертными.

– О чем это вы?

– Вам не стоит лезть в запретный мир. Наш мир. Прощайте, мистер сыскарь, – не став больше ничего объяснять, одноглазый повернулся к Джинксу спиной и медленно пошел прочь.

– Я все равно докопаюсь до правды! – крикнул в след Форсберг.

Остановившись, одноглазый не оборачиваясь, прошептал:

– Упокой ваш дух, юноша. Видят бессмертные, я вас предупреждал.

В кабинет постучали и, не услышав ответа, настойчивый посетитель все же решился и открыл дверь. Протяжный скрип заставил констебля вздрогнуть и отогнать прочь навязчивые мысли.

Внезапный посетитель.

Джинкс дернулся – бумаги веером разлетелись в разные стороны.

– Ну-ну, к чему же так нервничать, – старший инспектор Ла Руф, мило улыбнулся.

– Простите, я не ожидал... задумался... слишком много вопросов, – краснея, попытался оправдаться констебль. Он ужасно не любил ошибаться, тем более прилюдно, когда его оплошность может стать предметом чьих-то разговоров. Правда стоило заметить один примечательный факт – его наставник не был болтуном и с житейской непосредственностью, относился к подобным вещам.

– Разве у вас остались дела? – Ла Руфа пробил кашель, и лишь избавившись от напасти, он добавил: – Или вы решили покопаться в прошлом и оживить какую-нибудь таинственную забытую всеми легенду?

– Вовсе нет, – не согласился констебль. – Меня больше интересуют свежие факты. К примеру, вчерашняя смерть возницы, мистера Фрита...

– Ах да, ваш ночной визит, – припомнил Ла Руф. – Что же вас так озаботило в смерти этого несчастного? Насколько я помню, обстоятельства установлены... Причина: сердечный удар. Ни увечий, ни признаков отравления. Что же тогда?

– Мне трудно объяснить... все слишком сложно... – замешкался Джинкс, подбирая с пола бумаги.

– И все же? – не унимался Ла Руф. – Я прямо заинтригован, вашей настойчивостью. Осмелюсь предположить, что ваше внимание привлек какой-то весьма занимательный факт. Прошу вас не тяните...

Глаза старшего инспектора призывно сверкнули, словно у волка желающего настичнуть бедную жертву.

– Ну, я не уверен, смерть мистера Фрита не единственная... Насколько я могу судить по имеющимся фактам, этой ночью произошла еще одна странная трагедия, – произнес констебль и затих.

– И в чем же схожесть? – удивился Ла Руф. – Неужели вы нашли еще одно воронье перо? Или кто-то сообщил вам, о потусторонних обстоятельствах? Демоны? Оборотни? Или что-то другое?

– Не совсем так, – покачал головой Джинкс, продолжая сохранять некое напряжение. – Дело в том, – он немного замялся и повторил. – Дело в том, что эти смерти абсолютно не похожи. И на месте происшествия, я не обнаружил вороньего пера. Но...

– Но что-то вас смущает?

– Без сомнения, – согласился Джинкс. – И в смерти возницы на улице Откровений, и в смерти юного вора в квартале Отрешенных, действительно существует, какая-то неуловимая нить.

– Какая? Потустороннее возмездие?! – с нескрываемой иронии поинтересовался Ла Руф. Констебль нехотя кивнул, и опустил взор.

Придерживая больную спину, старший инспектор медленно доковылял до стеллажа с толстыми папками и, достав с верхней полки одно из давно забытых дел, зашелестел страницами.

– Бывают случаи, друг мой, когда мы выдаем желаемое за действительное. В ночи часто мерещатся невероятные страхи, в которые мы с легкостью верим и принимаем за чистую монету. Вот пример... – перед лицом констебля возник карандашный набросок ужасного волка, ходящего на задних лапах. Его злобный оскал был чем-то нереальным и занимал практически треть всего рисунка. – Его считали напастью восточных лесов и ежедневно устраивали настоящие облавы на местные лощины. Говорили, что оборотень по приказу темных сил отгрызает головы несчастным крестьянам. И каждый, включая и меня, безоговорочно верили подобным слухам. А на деле, оказалось, что двое душегубов, специально нагоняли страх на здешние края. И оборотень оказался всего лишь шкурой убитого медведя с приделанной к ней головой волка. Обман. Понимаешь?

– Понимаю, – согласился Джинкс.

– А вот еще.

На желтом листе красовался выцветший рисунок двухголового человека изрыгающего огромное пламя.

Кашлянув кулак, Ла Руф продолжил:

– Занятная надо заметить была история. Западную часть города, квартал Чужеземцев поверг в ужас некий двухголовый демон, способный летать и карать пламенем, будто мифический дракон. Но в итоге. Убийцей оказался обычный житель города Рунс, страдающий слабоумием.

– А его невероятные способности? – напомнил констебль.

– А невероятные способности, лишь домыслы и страхи напуганных до смерти горожан. Они сами наделили его такими сверхъестественными способностями как пламя и крылья. На самом деле, когда мы его поймали, он напоминал жалкого щенка и не мог причинить боль даже старику Фоли, нашему вечному дежурному, которому в обед сто лет.

Вслед за двуглавым злодеем, перед глазами мистера Форсберга возникли примеры некогда ужасных убийц, наводивших страх на весь Прентвиль: люди со свиными головами; худошавый юноша в длинном плаще с острыми клыками, торчащими изо рта; утонченный аристократ с забинтованным лицом, в черных очках.

К тридцатому портрету, Джинкса стало немного мутить, и он вежливо откланявшись, попросил Ла Руфа прекратить подобный экскурс в историю.

– Теперь ты понял, мой мальчик, смысл моих слов ? – подытожил старший инспектор.

– Но ведь в любых правилах существуют исключения, – уклончиво не согласился констебль.

Услышав эти слова, Ла Руф разочарованно развел руками.

– Увы, мой мальчик, я не верю в летающих ведьм и клыкастых чудовищ. Всему есть логическое объяснение и мне хотелось бы, чтобы вы об этом не забывали.

Желая возразить своему наставнику, Джинкс напротив, молча согласился. Ужасно не хотелось огорчать старика и вступать в бесполезные споры.

Ла Руф протяжно крикнул и уже собирался покинуть кабинет молодого инспектора, когда ему в спину, словно острый нож вонзился еще один вопрос:

– Простите, а что на счет Шрама?

Старик обернулся. На его лице глубокой бороздой застыли морщины, выдав озабоченность, царившую в голове.

– Я прошу вас больше никогда в жизни не упоминать об этом несчастном. Мне ужасно стыдно, за свою несдержанность. Надеюсь, мы поняли друг друга.

Возможно, Джинксу всего лишь показалось, но своими словами он растормошил в душе наставника гнездо с гадюками. И воспоминания старшего инспектора выглядели куда хуже тех ночных кошмаров, что приходили к нему чуть ли не каждую ночь.

Ничего не ответив, наставник незамедлительно покинул кабинет констебля. Дверь звонко хлопнула, оставив мистера Форсберга наедине со своими мыслями.

4. глава – Знание усугубляет скорбь.

В такие дни Шрам, до ломоты в костях, хотел оказаться в узком ящике, зарытым в земле и отрешиться от всяческих забот и мирской суеты. Вероятно по той причине, что он сам давно был покойником – только умиротворения, подобная мысль не прибавляла.

Взяв старый, с ржавой ручкой нож, мастер попробовал начать работу. Не получилось. Разочаровано отложив инструмент в сторону, Шрам поднялся со своего скрипучего стула и направился к двери.

– Ты куда?

Мастер резко обернулся.

Полумрак, пропитанный сыростью и нафталином мастерской, продолжал сохранять таинственное спокойствие. Подойдя к столу, Шрам взял лампу, и крохотный огонек вырвал из ночи мрачные стены, на которых покоилась настоящая армия кукол.

Обойдя комнату и убедившись в отсутствии мнимого собеседника, мастер, успокоился и присев, устало протер глаза.

– Всеединый, как же я устал....

– Не жалуйся, все равно не услышит! – на этот раз голос прозвучал более отчетливо.

Дернувшись было в сторону, мастер застыл на месте. Из серой пустоты, которую не смог освятить масляный светоч, на своего создателя смотрели нарисованные глаза деревянной куклы. Фигурка плотника Джорни, слабо походила на оригинал – в отличие от своих собратьев. Шрам выполнил ее с неподдельной ненавистью, пытаясь изобразить идеальные черты более уродливо и мерзко. Поделка вышла на славу. Самая первая и самая ужасная.

Глаза Джорни вышли узкими, раскосыми, непривычного болотного цвета; нос длинный и кривой, будто рыболовный крючок; а скулы, мастер сделал острыми как два дорожных валуна. На голове плотника вместо привычной льняной шапки, появился красный колпак с бубенчиками. Свою последнюю и роковую жертву, убийца высмеял на славу.

И как только Шрам мог забыть об этом мрачном шуте?

– Добрый вечер, старый друг, – приветливо произнесла кукла.

Не разразившись бурей эмоций, Шрам прищурился и встряхнул головой, будоража заплывшуюся память. В безобразной деревянной игрушке с трудом угадывалось лицо добродушного плотника.

– Как... возможно?

Кукла пожала плечами.

– Невероятно!

Крохотный огонек лампы вырос, и комната наполнилась густой желтизной, полностью отделив от темноты миниатюрного собеседника.

Угловатая фигурка, явно порадовавшись подобной реакции создателя, выпятила на показ огромные кривые зубы.

Шрам поймал себя на мысли, что на таком уродливом лице даже самая милая улыбка, выглядит грозным оскалом.

– Мое имя – Ру-ру, – кукла вытянула перед собой руку.

Мастер поздоровался со своим творением и, чихнув, так и не нашелся, что ответить.

– У тебя здесь довольно мрачно, – деловито осмотревшись, заключила фигура.

Спрыгнув на пол, Ру-ру быстро прошелся по комнате и, подойдя к печке, поинтересовался:

– Давно топил?

Шрам нахмурил лоб, пожал плечами.

Кукла подкинула в топку пару поленьев и, указав на кресало, скомандовала:

– Поджигай. Если не возражаешь. Я не очень дружу с огнем.

Кивнув невпопад несколько раз, мастер озабоченно уставился на остальные фигурки. Неужели они тоже живые?

– Не переживай, они всего-навсего сухие чурки, – отмахнулся Ру-ру, заметив взгляд создателя.

Кукла вела себя слишком непринужденно и смело, чтобы быть плодом больного рассудка Шрама.

– Откуда ты взялся? – разлепив губы, все же пролепетал мастер.

– Это ты мне ответь. Ты же меня создал, – удивилась кукла.

Шрам надул щеки, и задумчиво почесал затылок: рассудительность Ру-ру была чем-то из ряда вон выходящего и не поддавалась никакому объяснению.

Взяв паузу, бывший убийца разжег печь, и вытащил из чулана еще одну лампу. Комната наполнилась теплом и треском березовых поленьев.

На столе возник чай и ломоть ржаного хлеба.

– Да, не густо, – разочаровался Ру-ру.

– А ты что ожидал пир?! – язвительно отреагировал Шрам.

– Я ожидал, что ты изменился, – честно призналась кукла.

Отхлебнув чай, мастер помочил засохшую краюшку и пошмякав практически беззубым ртом, отложил ее в сторону, произнес:

– Ты считаешь семь лет в 'Безнадеге' – легкая прогулка?

– О нет, далеко не прогулка, мистер мрачный ворчун! И с чего тебя так назвали? – кукла рассмеялась, да так надменно, что создателю захотелось прихлопнуть ее одним ударом.

Ловко спрыгнув со стола и оказавшись у ровных рядов деревянной армии, Ру-ру заложил руки за спину и стал деловито прохаживаться туда-сюда.

– Ты наверняка хочешь знать: откуда я взялся, а главное, зачем я пришел? И уж тем более, как я смог...

– Я и без тебя знаю ответы на эти вопросы, – раздался недовольный, скрипучий голос. – Ты большое проявление дыма от травы чун-чун, которую я нюхал этим утром. Не думай – Пенек, что в камере жилища для умалишенных, меня не научили бороться с собственным разумом.

Отвернувшись, Шрам мгновенно потерял всякий интерес к ожившей кукле.

Сначала раздался грохот обрушающихся полок, словно рассыпался деревянный домик, а затем мастер почувствовал резкий удар по коленной чашечке.

У ног Шрама стоял мерзкий, настырный гость.

– Ну что поверил?

Вскочив, мастер одним прыжком оказался у ящика, стоящего в дальнем углу комнаты. Стремительно открыл его. В руках оказалась бутылка с зеленой жидкостью.

Шрам сделал глоток и посмотрел на куклу – та оставалась на месте. Процедура повторилась. Ру-ру скрестил руки на груди и с неммым вопросом, уставился на своего создателя.

– Хорошо, – осушив бутылку до конца и не добившись нужного эффекта, сдался мастер. – Что все это значит?!

Кукла удовлетворенно кивнула:

– Готов?! Тогда пойдем за мной. Доверься, Кронос все расправит на свои места!

Ловко забравшись на окно, Ру-ру исчез на улице, не дав мастеру и секунды на раздумье: выбор сводился к одному простому решению.

2

Сегодняшний солнечный день мог омрачиться лишь одной заранее известной причиной: известие о новой смерти, загадочной и в то же время не отличающейся от всех прочих, которые случались в Прентвиле практически каждый день. Однако, констебль наивно полагал, что в этот день, слепая старуха с косой обойдет их округу стороной, и ему не придется вызывать скрипучую перевозку, а затем вести бессмысленные разговоры с мистером Лизри.

На улице показались двое весьма встревоженных горожан. Свободная холщовая одежда и остроконечные колпаки, привлекали к ним излишнее внимание случайных прохожих. Собрав вокруг себя небольшую толпу, они разразились целой вереницей трагических предсказаний.

– Наш ждет гнев бессмертных!

– Спокойные дни закончились!

– Кронос отвернулся от нас навсегда!

– Всеединный проклял Прентвиль!

Завидев Смотрящего, возмутители спокойствия немного поутихли, продолжив свои пророчества жуткими нашептываниями.

Констебль почувствовал неприятный холодок в груди – слишком убедительны были безликие прорицатели. И его тревога передалась толпе.

Люди, обеспокоенные собственной судьбой, стали возмущаться, высказывая претензии Смотрителям и отесняя тех подальше от предсказателей. Еще секунда, и безликие продол-

жили свое представление, безнаказанно, в полной безопасности. Не поэтому ли последний месяц, они все чаще возникали на улицах Прентвиля; предрекая беды и несчастья, предсказатели предлагали каждому просто покаяться и избавиться от груза собственных грехов.

Ноги сами привели констебля на улицу Часов – поблизости с тем местом, где обнаружили труп мистера Фрита.

Остановившись на площади у пересечения с улицей Откровений, он долго смотрел на высокие башенные часы, которые, пробив двенадцать, продолжили отсчитывать неумолимо летящее время.

Люди, спешащие по делам, не замечая собственной тени, стремительно исчезали в лабиринтах узких улочек города. Мимо проносились быстрые повозки, узкие кэбы; возле небольших магазинчиков слышались призывные крики зазывал. Смех и многоголосье создавали впечатление огромного улья.

Джинкс стоя посередине площади не в силах пошевелиться, стараясь уследить за каждым из прохожих.

Одна из теорий розыска душегубов, гласила, что убийца всегда возвращается на место своего преступления и долгое время созерцает за происходящим, стараясь привлечь к себе особое внимание. Конечно, констебль и не помышлял проверить подлинность этих предположений, но подсознательно надеялся, что один шанс на миллион все-таки существует.

И мистер Форсберг оказался по-своему прав...

Черным пятном в сознании инспектора возник знакомый образ, выбивавшийся из общей картины городской суеты. На один из осветительных столбов сел огромный черный ворон. Почистив перышки, он пристально вгляделся в толпу стоящих поодаль зевак. Джинкс напрягся, чувствуя, как найденное перо насквозь протыкает жакет.

Опешив, констебль попятился назад, едва не споткнувшись о выступ мостовой.

Птица продолжала гордо восседать на металлическом троне. Черные пуговицы глаз, казалось, пронизывают каждого, кто оказался в этот солнечный день на площади Часов.

Достав перо, Джинкс попытался сравнить его с цветом угольной птицы. Хотя много ли воронов отличались друг от дружки?

– Простите, мистер.

Рядом с Джинксом стоял Тим Редклиф – тот самый чистильщик обуви, обнаруживший труп возницы. Шмыгнув носом, мальчишка с достоинством выдержал острый взгляд мистера Форсберга.

Одной короткой секунды хватило, чтобы таинственная птица исчезла без следа. Констебль закрутил головой, но среди черепичных крыш и скрипучих флюгеров не нашел прозрачной птицы.

– Вы что-то хотели, юный мистер?! – гневу Джинкса не было границ, но он вовремя совладал с собой.

– Я просто хотел сказать... Со мной приключилось... Ну я просто думал это вам будет интересно... Простите я не хотел вас отвлекать... Этой ночью...

– Что?! Я не очень понимаю. – Только сейчас инспектор окончательно пришел в себя, и требовательно уставился на Тима.

И в этот самый миг, произошло невероятное. Башенные часы второй раз проббили двенадцать. Каждый удар отразился в сердце констебля тревожным набатом, словно возвещал о надвигающейся опасности. На секунду мир вокруг замер, и песочные часы перевернулись, а крупинки олицетворяющие скоротечность всего сущего, стали быстро осыпаться вниз.

Мистер Форсберг мгновенно перевел взгляд на фонарь, туда, где недавно восседала роковая птица – пусто; затем уставился на Тима; и немного помедлив опять на часы. Ворон не появился, а двенадцатый удар, родил в ушах констебля протяжный гул.

Наваждение исчезло внезапно. Одно мгновение и привычные звуки наполнили окружающий его мир. Очутившись в дальней части улицы – юный чистильщик покорно ожидал мистера Форсберга. Растерянный взгляд инспектора нашел Тима.

– Никак не возьму в толк. Эти часы, – констебль указал на башню, – разве возвещают о полудне несколько раз к ряду?

– Несколько раз? – растерянно пожал плечами мальчуган.

– Ну да, именно, – кивнул Джинкс. – Я отчетливо слышал, как они проббили двенадцать, сначала один раз, а затем и второй.

Тим хотел было согласиться с констеблем, но в последний момент отчего-то передумал и неуверенно пролепетал:

– Простите, но часы всегда возвещают один раз...

– Хорошо, – остановил парня инспектор и, решив больше не возвращаться к данной теме, пристально посмотрел ему в глаза: – Постой, ты ведь кажется хотел мне о чем-то рассказать... О чем-то весьма важном?

Тим кивнул и, не делая паузы, быстро заговорил.

Предшествующая дню Порока ночь выдалась на удивление безлюдной: толи горожане решили повременить с прогулками по ночным улицам, толи противоречивые слухи так сильно наводнили Прентвиль, что люди стали побаиваться собственной тени. Так или иначе, но и сегодня Тим ощутил, как за пару минут оказался на ратуше один-одинешенек. На небе одна за другой возникали застенчивые звезды, а от пекарен перестало веять приятным ванильным ароматом.

Часы проббили ровно десять – самое время закругляться, отложив работу на завтра, и брести по одиноким улицам в сторону родного приюта.

В очередной раз, шмыгнув носом и откинув в сторону грязные щетки, Тим стал быстро собирать рабочий скарб. Клиентов ни на грош, а высиживать собственный страх, нервно оглядываясь по сторонам себе дороже.

Тусклый свет, пробивающийся сквозь дырявые ставни окон, быстро гас, не давая возможности насладиться прохладой длинного вечера. Улицы окутывал густой туман.

Собрав пожитки в деревянный ящик, Тим обернулся, отреагировав на резкий шум. Из узкого проулка показались зеленовато-желтые глаза старого мордатого кота. Протяжно замыкав, хвостатый бродяга, не дав себя рассмотреть, мгновенно исчез в пустоте крадущегося по мостовой тумана.

– Принесла нелегкая, – сплюнув, чистильщик подхватил ящик с вещами и кинулся к Торговой площади.

В дальней части улочки уже показались призрачные тени фонарщиков, когда мальчуган услышал за спиной стук копыт и звук приближающегося экипажа.

Остановившись, он покосился на неровную кладь домов и заметил сухие ветви плюща, которые почудились ему страшными щупальцами вчерашнего покойника. Гонимый ночными страхами и призрачным возницей, он резко свернул в сторону, прошмыгнув в один из переулков. Прижался спиной к холодному камню и, запрокинув голову, зажмурился.

Раньше Тим никогда не позволил бы себе неоправданного страха. Но после вчерашней ночи все изменилось. Теперь парень стал бояться даже собственной тени, постоянно незримо ощущая рядом с собой чье-то присутствие. Дух возницы не отпускал его, сделавшись жуткой тенью, способной утащить случайного свидетеля за собой в подвалы Минса.

Тем временем, повозка пронеслась мимо, растворившись в сизой дымке вечернего тумана. Тим облегченно выдохнул. Иллюзия. Обман. Нет, и не было никакого мертвеца, будоражащего своим присутствием ночной Прентвиль.

Все успокоилось. Улицу плотными сетями опутала расслабляющая тишина. Осторожно выглянув из временного укрытия, мальчуган быстро осмотрелся: ровные края домов, крохотные огоньки фонарей и выпуклые камни мостовой, исчезающие за крутым поворотом улицы – никакой опасности.

Выждав время, Тим все-таки сделал крохотный шаг и замер, внимательно прислушиваясь к собственным ощущениям и случайным шорохам, доносящимся из сумрака. Сердце в груди колотилось в бешеном ритме, но чистильщик, совладав с собой, решил не обращать на это внимания. Нащупав под рубашкой спасительный символ бессмертной жизни – металлическую пластину, закрученную по спирали, – он несколько раз прошептал восхваления Всеединому, и попросил уберечь его душу от мерзких страхов.

Покровители не откликнулись, но Тим ощутил в груди некую уверенность и защищенность. Волнение ушло прочь, а призрачные тени, клацающие огромными клыками, растворились среди белой занавеси тумана.

– Глупость! Дуралей я пугливый! – немного осмелев, выкрикнул Тим в темноту.

Еще пару шагов вывели его к краю пустынной дороги. Ни одной живой души, город уже давно видит десятый сон; а в остальном – все как прежде – как в один из тех вечеров, когда он не спеша возвращается в свое скромное пристанище на улицу Предзнаменований.

Очувтившись на противоположной стороне дороги у одиноко стоящего ночного стража-фонаря, Тим кинул быстрый взгляд на площадь Часов и решил скорее спешить домой.

С северной части города повеяло стужей. Сегодня, не стоило медлить. Наверняка не упокоенный дух возницы затаился в какой-нибудь темной подворотне – но в ночь Порока он не станет ждать, а обязательно возьмет да и вынырнет из-за угла. И схватит...

– Прошу прощения, юноша, – голос раздался как гром среди ясного неба.

Обернувшись, Тим едва удержался на ногах и не брякнулся на мостовую. Посреди улицы, будто выскочив из-под земли, стоял огромный черный омнибус, запряженный шестью ваксового цвета лошадьми. На облучке сидел громадный как скала извозчик в дорожном плаще с высоким стоящим воротником, который практически полностью скрывал его лицо, а широкополая шляпа довершала картину таинственности. И было в этом безликом человеке, что-то чужое, отталкивающее. Возницы экипажей, носили в Прентвиле, короткие синие куртки и огромные яркие номерные бляхи на груди.

Впрочем, и омнибус отличался от обычных повозок не только цветом, напоминая огромную кляксу, но и странными узорами на бортах. Окна экипажа закрывали бархатные занавески и только за одной из них, мальчуган смог разглядеть неподвижный женский силуэт.

– Простите, мистер. Но, я не совсем понимаю... – слова предательски застряли в горле и Тим смог лишь жалобно пискнуть, прикрыв рот рукой.

Извозчик проследил за взглядом парня и, щелкнув пальцами, привлек его внимание.

– Ты, кажется, работаешь неподалеку от Часовой площади, – перст мужчины указал на север.

Тим кивнул, не отрывая взгляд от извозчика – его лицо все оставалось таким же безликим.

Лошади заволновались, хрипя и отбивая камни мостовой.

– Неон, пригласи юношу ко мне, – раздался из омнибуса приятный женский голос.

Облокотившись на колено, извозчик щелкнул пальцами и указал пальцем, теперь уже на вход. И наставительно добавил:

– Милости просим, юноша. И учти, она не любит когда ей отказывают, хе-хе. Так что постарайся быть благоразумным.

Тим недоверчиво посмотрел на первую ступеньку, чувствуя, как стремительно тяжелеют его ноги. Спина стала мокрой, а зубы предательски забарабанили, словно на улице был жуткий мороз.

– Не заставляй ее ждать, приятель, – подбодрил человек без лица.

Страх сковавший ноги Тима не хуже тяжелых цепей, потянул его назад, заставив невольно оступиться.

– Я бы на твоём месте этого не делал, – склонившись над юношей свинцовой тучей. Широкополая шляпа поползла вверх, и мальчуган увидел, как сверкнули огненные глаза извозчика.

Лошади в подтверждения этих слов разразились неистовым ржанием, родив в парне невероятный ужас.

Решив не искушать судьбу, Тим переборол страх и аккуратно поставил ногу на первую ступень. Вторую, третью, четвертую и ... он почувствовал, что сам подписал себе смертный приговор, забравшись в пасть вымышленного чудовища. Зева омнибуса захлопнулась.

– Не бойся, малыш. Я вовсе не кусаюсь, – хозяйка повозки явно прибывала в хорошем расположении духа и вряд ли собиралась скушать попавшего в ее сети мальчугана, обглодав его хрупкие косточки.

Для храбрости, набрав в грудь побольше воздуха, Тим повернулся, уставившись на бархатный диван, где властно восседала молодая леди, в шикарном алом платье, жадно облегающем ее совершенное тело. Юноша смог в мельчайших подробностях рассмотреть стройную фигуру, в тусклом свете двух масляных ламп, освещающих кабину омнибуса.

Слегка прищурился большие карие глаза, подведенные сурьмой, девушка сделала приглашительный жест. Тим сглотнул, но не стал противиться и, не проронив ни звука, повиновался. Нос и губы девушки были скрыты черной полупрозрачной вуалью, и юноша с легкостью смог различить под ней милую улыбку.

– Не бойся. Я не обижу тебя, – ласково произнесла она.

– А я и не боюсь, вовсе, – смущенно ответил Тим, потупив взор.

Ответ пришелся девушке по вкусу. Непринужденно махнув рукой, она заставила омнибус медленно двинуться.

За окнами замелькали стены домов. Взволнованно уставившись на исчезающую в ночи улицу Откровений, Тим услышал голос девушки.

– Мы немного прокатимся. Не возражаешь? Заодно и поболтаем.

Тим кивнул.

– Угощайся, – хозяйка омнибуса указала на корзину с фруктами, внезапно возникшую на маленьком столике.

В руке девушки уже красовался изящный бокал в форме крохотной птички с длинным игольчатым клювом.

Потянувшись к роскошной грозди винограда, Тим в последний момент, остановился и одернул руку.

Девушка расхохоталась:

– Глупый, дурашка. Ты что же думаешь: я собираюсь тебя отравить? Обычного чистильщика обуви?

Ее колкие слова заставили Тима густо покраснеть. Он и вправду, сам не зная почему, сильно испугался за свою жизнь.

Девушка побарабанила пальцами по столу и, глотнув вина, отставила бокал в сторону, на самый край стола. Омнибус сотрясся, но крохотная стеклянная птичка удивительным образом удержалась, не брякнувшись вниз.

– И так, начнем.... – скрестив руки, девушка еще раз осмотрела чумазого парнишку с ног до головы.

Ее глаза оказались такими выразительными и проникновенными, что у Тима невольно по спине побежали мурашки. Ему показалось – она способна видеть его насквозь.

– Скажи, ты ведь достаточно умный мальчик, – скорее утверждая нежели спрашивая, произнесла хозяйка омнибуса.

На всякий случай Тим кивнул.

– И подмечать все любишь, не так ли?

И опять кивок соглашения.

– Замечательно, – девушка прищурилась, и вкрадчиво добавила: – Стало быть, ты заметил, кто остановил кэб? Как он выглядел? Что говорил?

Ни за какие подарки на свете Тим не желал вспоминать о смерти возницы. Стоило только ему сомкнуть веки – перед ним возникал образ хохочущего мертвеца, стучащего беззубым ртом и взирающего на юношу пустыми глазницами.

– Я, я... возможно... просто... все было... стремительно... страшно и ...ворон, – язык совсем не слушался Тима. Страх в очередной раз застрял в горле.

Девушка сделала невольный жест, словно отмахнулась от назойливой мухи.

– Прости, что ты сказал?

– Все произошло мгновенно... я ...опомниться не успел... – рассеяно продолжил мальчуган.

– Да нет. Я не об этом! Ты что-то сказал там о птице?!

– Он очень громко гаркнул. Как человек! Я ног не чувствовал от страха, – выпалил чистильщик.

Ее лицо рачительно изменилось: кожа побледнела, зрачки сузились, будто в глаза ударил яркий свет, а губы вытянулись в тонкую линию.

За окном наступила кромешная тьма. Крохотные огоньки тусклых фонарей и случайных факелов Ночных провозатых исчезали без следа, а впереди вырастали огромные лесные исполины. Только под тенью властной ночи, они изменились до неузнаваемости, словно вместо изумрудных стражей вдоль дороги караулили ужасные чудовища, которые покинув ночные кошмары, раскали в поисках новой жертвы.

– Повтори еще раз, что ты сказал?! – медленно, практически по слогам, произнесла хозяйка омнибуса.

– Я видел ворона. Огромного ворона, сидевшего на крыше кэба. Именно он убил возницу. Я никому об этом не рассказывал. Но я знаю, он убил, – более спокойно ответил Тим. На сердце стало легко и спокойно. Поделившись тайной, он будто избавился от невероятного груза.

Омнибус слегка затормозил, и пассажиры почувствовали как колесо, сойдя с колеи, угодило в огромную яму. Дорога стала скверной, и мальчик испуганно вжался в мягкую спинку кресла – они покидали наезженный тракт пригорода.

– Ты уверен. Может быть, ты обознался?! – не унималась девушка. – То была другая птица...

Но собеседник, не оправдав ее ожидания, отрицательно замотал головой.

– Значит, Коракс посетил город. Впервые за сотню лет он посетил оборотный город, – произнесла она, выплевывая наружу каждое слово, как пригоршню горьких опилок. И совсем тихо: – Вещий, не приходит без веских причин. Это не к добру. Ой как не к добру.

Экипаж резко затормозил. Бокал не удержавшись, беспомощно брякнулся на пол, и разлился у самого края стола – но вместо белого вино оказалось алым.

– Неон, останови, – практически взмолилась девушка, окончательно избавившись от повелительного и властного тона.

Омнибус плавно затормозил и встал как вкопанный.

Тим осторожно посмотрел в окно и обомлел. Они стояли посередине центральной ратуши освещенной по кругу десятком масляных фонарей, ласкающих взгляд своим приятным медовым светом.

Не успев опомниться, мальчуган почувствовал за спиной чужое присутствие. Мощная рука схватила его за воротник и потащила к выходу. Тим не сопротивлялся. От него решили избавиться как от ненужного щенка. Пускай. Главное остаться целым и невредимым.

Бросив последний взгляд на таинственную леди, он заметил в ее глазах едва уловимую тревогу, словно его слова стали для нее дурной вестью.

– Ненавижу ложные слухи, сандара за, – проскрипел зубами извозчик, и Тим беспомощно полетел на мостовую. Следом за чистильщиком отправился и его скромный скарб.

Обидно стерев с лица пот, мальчуган вскочил на ноги и уже собирался погрозить кулаком грубияну, когда понял – он стоит на улице совершенно один.

Растерянно озираясь по сторонам, Тим как не пытался не смог найти следов экипажа. На улице была глубокая ночь, а верные стражи Прентвиля уже не так ярко освещали ратуш и высоченную каменную башню с часами.

Омнибус растворился в дымке тумана, унеся с собой страх юного чистильщика. Тим стоял возле фонаря опустошенный, словно его лишили последних сил. Гул в голове скоро прекратился, забрав с собой неприятные ощущения ночной беседы.

Внезапно раздался бой часов, и парень, подпрыгнув на месте, едва не оглох от невероятного звона.

– Не время таким маленьким пронырам, гулять по улице без сопровождения взрослых, – раздался из-за спины тихий, вкрадчивый голос.

– Я не оди... – хотел было ответить Тим, но осекся.

Перед ним стоял высокий сутулый мистер в строгом прямом костюме и округлой шляпе с козырьком. Лицо незнакомца гораздо примечательнее: из-под козырька выглядывали черные как сажа волосы, а густые брови срастались на переносице. Агатовые глаза пристально изучали мальчугана.

– Может быть вас проводить, молодой человек, – все также учтиво поинтересовался мистер.

Тим мог побиться об заклад, что Ночной провожатый внезапно упавший на него как снег на голову, сильно напоминал роковую птицу.

– Спасибо, я лучше сам! – крикнул в ответ чистильщик и рванул вдоль улицы.

Замершая на башенных часах стрелка показывала ровно десять часов...

3

Эта дрянная кукла, внезапно ожившая на глазах Шрама, знала Прентвиль не хуже Ночных провожатых, которые словно слепые кроты, неумоимо бродили по мрачным улицам города, позвякивая тусклыми фонарями.

Убийца едва поспевал за Ру-ру, мысленно выстраивал в одну цепочку события вчерашнего дня – картина выходила отнюдь не утешительная. Размеренное существование потрепанного жизнью кукольного мастера изменилось, когда ночную тишину нарушил женский визг. Все полетело в тартарары, завертевшись волчком. Сам того не желая, Шрам совершал один неразумный поступок за другим: перешел дорогу бессмертной, сунулся к главе Отрешенных, а теперь шагал следом за собственным воображением.

Заскрипев зубами, мастер поморщился, ругая себя за несдержанность. В свете последних событий стоило вести себя более осмотрительно. Сейчас Прентвиль больше напоминал шахматную доску, на которой в скором времени должна начаться игра между бессмертными. А на кону этой дуэли, будут стоять обычные человеческие жизни.

Мысленно проклиная и олисийцев и дорианцев – оба клана демонов – убийца сплюнул и ускорил шаг.

Ему была чужда людская слепота: они ведь не замечают очевидных вещей. Считают, что за незримой гранью смерти существует только пустота и ничего больше. И все ТАМ определено и предельно ясно, словно течение, по которому можно плыть. Как же они ошибаются!

Скривившись от навязчивых мыслей, будто от неспелой сливы, Шрам припомнил свою последнюю встречу с бессмертной. Ее мертвый взгляд. По коже побежал мороз.

– Сюда, да живей ты, поторапливайся. Увалень! У нас совсем мало времени, – прикрикнула кукла и призывно махнула маленькой шарнирной ручкой.

Они миновали Угрюмый мост, и попали в узкий каменный проулок, где дома почти касались друг дружку своими кирпичными боками. Над головой на толстенных веревках болтались гирлянды чистого белья. На землю то и дело падали огромные мыльные капли.

– Не припомню этого места, – озираясь, прошептал Шрам.

– О, ты еще много чего не видел в своей однообразной жизни, мастер сухих поленьев, – хихикнул Ру-ру.

Переулок оказался убийце бесконечным. Они все шли и шли по узкой прямой дорожке, а впереди виднелись лишь тряпичные преграды, мерно покачивающиеся на ветру.

Где-то справа скрипнули ставни, и Шрам машинально поднял голову, обомлев. В одном из окон мелькнуло серое безжизненное лицо. Только цвет кожи был не главным – у того, кто скрылся за ставнем, не было глаз, а кожа сморщилась, будто у сухофрукта.

– Где мы? – не удержавшись, мастер тревожно покосился на куклу.

– В Принтвиле, – нисколько не удивившись такой реакции, ответил Ру-ру.

– В Прентвиле?

– Нет! В Принтвиле! И не задавай лишних вопросов. Еще слишком рано! Поспешим! – деловито заявила игрушка.

Шрам не стал возражать. Он уже шагнул следом за собственным мороком. И не собирался поворачивать. Да и к чему? Пока его больной разум не развеет возникшую иллюзию, бороться с этим бесполезно.

Та дорога, что была хорошо знакома Ру-ру, оказалась совершенно неизвестна Шраму. Он будто шагал по чужому городу – без людей и посторонних звуков, где не было ни единого запаха. Но следующий шаг все изменил. Мастера охватила целая палитра ярких и насыщенных ароматов. Теперь незнакомый город, стал пахнуть лавандой и оливковым маслом, но вскоре приятные запахи сменились гнилью и отвратительным смрадом нечистот.

– Куда ты меня привел?! – откашлявшись, поинтересовался Шрам.

– Еще не привел, – сухо ответил Ру-ру за поворотом.

Убийца прижался к стене и протиснулся следом за куклой.

Небольшая площадка, окруженная заброшенными домами, родила в памяти Шрама события вчерашней ночи. Сюда его привел ворон и здесь же он очутился вновь, по воле собственного сознания.

– Мы в квартале Отрешенных?

– Тихо, – цыкнула кукла и стала осторожно обходить периметр, расставив руки в стороны.

Отойдя в сторону и не став мешать собственной иллюзии, убийца присел у стены и стал безучастно жонглировать камешками.

Тем временем Ру-ру дошагал до стены, развернулся и, изобразив канатоходца, стал медленно, шаг за шагом, двигаться в противоположном направлении.

– Знаешь, – между делом произнесла кукла. – Врагов надобно выбирать тщательнее, чем друзей. И немного подумав, добавила: – Если конечно хочешь победить... – и, заметив удивленный взгляд убийцы, противно захихикала.

– У меня нет врагов, кроме самого себя. – Шрам нахмурил лоб. Спорить с собственным внутренним голосом, становилось все сложнее.

– Тогда надобно их обязательно завести. Иначе жизнь станет слишком скучной. – Последнее слово осталось за Ру-ру.

Мастер сощурился и внимательно посмотрел на свое детище, пытаясь угадать: шутит оно или нет. И убедившись, что кукла говорит абсолютно серьезно, произнес:

– Ты явно издеваешься!

– Ну что ты, – Ру-ру прижал руки к груди и с видом наивной монашки продолжил: – Я говорю абсолютно серьезно. Ты слишком долго мастерил свои никчемные игрушки, пора вспомнить твоё истинное ремесло. Иначе я пришел бы к другому проклятому. Разве не так?

– Мне все равно. Таким как я всегда и все без разницы.

– Не желаешь избавиться от тяжкого бремени? – удивился Ру-ру.

– Отстань! Меня устраивает моя жизнь, – нахмурив лоб, зло отмахнулся Шрам.

Тем временем кукла дошла до стены, задумчиво почесала подбородок и, подняв с земли камень, острой гранью нацарапала на одном из кирпичей несколько цифр, вверх ногами.

– Все дело в том, что ты не веришь в меня, – как бы промежду прочим заметила кукла.

– А ты сам-то веришь в себя?! – укоризненно прошипел Шрам. – Я прогулялся по незнакомым закоулкам города вслед за ожившей игрушкой. А теперь сижу здесь – бессмысленно разговаривая самим с собой. Я слышал такие истории не меньше сотни. И заешь где? В 'Безнадеге'. В доме для умалишенных!

Ру-ру замер, забыв о своем занятии, обернулся и пронзил создателя острым взглядом.

– Скажи, знаешь ли ты, куда уходят люди после смерти? Кто встречает ваши души ТАМ, где заканчивается обычная грань реальности? И чем те, кто распоряжаются вашими судьбами лучше вас?! Ты хочешь это знать?

Последние слова заставили Шрама вздрогнуть. И после недолгой паузы, требовательно поинтересовался:

– Где мы, словоохотливая деревяшка? Отвечай!

– Это портал в серый город. Там, где обитают души тех, кто раньше населял Прентвиль. Больше объяснить нет времени. Скоро состоится пари!

После этих слов Ру-ру беспокойно забегал по периметру. На кирпичях появились еще несколько надписей, множество непонятных цифр. Затем, кукла стала рисовать. Шарнирная рука выводила на песке неведомые узоры, символы и знаки.

Внимательно следя за его движениями, Шрам невольно поймал себя на мысли, что начинает верить собственным глазам.

– Скажи...

– При чем здесь демоны? Дорианцы? – закончила фразу прозорливая кукла. – Они истинное зло нашего и вашего мира!

– И что с того?

– Что с того? – переспросил Ру-ру. – Открой глаза душегуб, тебя обрекли на вечные мучения. И ты готов с этим мириться? Лично я, нет!

– А ты предлагаешь мне вступить в схватку с бессмертными? Отнять силами свою душу? Или заплатить сполна, раз и навсегда погасив долг? – Шрам едва удержался от ругательства, подумав, что ошибся и скорее всего, просто сходит с ума от собственных ведений. Видимо тяжесть грехов стала слишком тяжелой ношей и надломил его окончательно. Иначе собственный разум никогда бы не предложил ему столь безумную идею.

– Ты не псих, – словно прочитав его мысли, прошептала кукла. – А я не часть твоего бреда!

– Разве?! – удивился убийца.

– Чшшшшшш, – внезапно шикнул Ру-ру, блеснув рубиновым цветом нарисованных глаз, и разочарованно добавил: – Кажется, не успели.

Четкие контуры знаков, начерченные куклой, стали стремительно меняться, перемешиваясь между собой, словно куча земляных червей, учувших приближение дождя. Круги превратились в треугольники, многогранники, сгладив круги, вытянулись в длинные линии, а странные иероглифы, которые Ру-ру выводил тщательнее всего, приобрели форму плавных непрерывающихся строк.

Песок закрутился по часовой стрелке, создавая спираль – символ бесконечности. Несколько булжников вздыбившись, полезли наружу, а земля ушла из-под ног.

– Беги, проклятый! – рявкнула кукла, не отрывая взгляда от изрытой земли.

Почва шевелилась, создавая вид бурлящего котла, и вскоре, наружу показалась длинная когтистая лапа, раздался душераздирающий рев. Шрам и не думал бежать. Его просто распирало от любопытства. Впервые в жизни он чувствовал, что поступает правильно. К нему вернулся вкус к пресной жизни.

Вскоре на поверхности появилась чудовищная морда неведомого существа. Из открытой пасти капала слюна, а огромные фасеточные буркала с интересом взирали на окружающий мир.

– Если не собираешься отправиться в безвременье, беги! – заорал Ру-ру ослабившись и собственным детским рыком привлекая чудовище.

Из-под земли появилось мощное покрытое чешуей тело. Земля сотрясалась от каждого шага, и только истинный безумец решил бы встать на пути у жуткого существа.

Шрам попятился назад и ощутил, что уперся в стену. Его сердце как в былые времена стало колотиться в бешеном ритме – приятное и давно забытое чувство. Тело охватила знакомая дрожь, будто собираешься совершить невероятный поступок.

Скрипнув гнилыми пеньками зубов, бывший убийца мгновенно осмотрелся. Ему было необходимо оружие – хотя, он умел отнимать жизни и голыми руками.

– Сирс, ненавидит живехоньких! – вовсе горло закричала кукла, не сходя с места.

Но, проклятому не было дела до воплей ожившей деревяшки. На мгновение он снова стал прежним, каким был лет пятнадцать назад.

Одним невероятным движением Шрам переместился в противоположную части перелука и выдрал из остова стены небольшой железный прут. Мастерские ладони крепко обхватили острую ржавую поверхность.

Следующий рык послышался слишком близко. Вовремя отскочив в сторону проклятый едва не распрощался с левой рукой. Чудовище, которого кукла нарекла Сирсом, недовольно взвыло.

– Не дожدهшься! – процедил сквозь зубы Шрам.

Не спеша атаковать, мастер выжидал. Получив некое подобие оружия, он стал охотником, а не жертвой. И количество клыков – не давало твари никакого преимущества.

Выбравшись из земли, Сирс продемонстрировал свое самое мощное оружие. Извивающийся хвост, взмыв ввысь, ударил булавой, разрушив часть северной стены.

В очередной раз, потерпев поражение, тварь, обезумив начала крушить все вокруг. Шрам кожей ощущал смерть, кружившую среди каменных стен. Еще немного. Совсем чуть, – успокаивал себя Шрам. Если Сирс обладает хотя бы неким подобием интеллекта, он очень скоро начнет совершать ошибки. Непоправимые, смертельные ошибки.

Резкое клац, взмах лапы, несколько ударов хвостом и все заново – убийца не собирался изматывать противника. Он искал в безупречной обороне крохотную брешь, одну единственную возможность для выпада.

Кукла, суетившаяся где-то у стены, выкрикивала отдельные фразы, которые ловко терялись среди мрачных стен опустелых домов.

Упустив одну возможность за другой, Шрам понял, что не сможет выдержать бешеного темпа Сирса, который подобрался совсем близко. Отступив к стене, убийца не почувствовал за спиной привычной твердости камня. Мир вокруг закружился волчком. Создавалось впечат-

ление, что земля уходит из-под ног, вращаясь совсем в другую – неподвластную обычному пониманию – сторону.

– Беги! – прорвав плену завываний Сирса, послышался голос куклы.

Шрам закусил губу, осознав, что отступить больше некуда. Тварь загнала его как мышку в угол. И не было у этой охоты иного исхода, как только добить беспомощную жертву.

Пригнувшись к земле и нервно размахивая хвостом, Сирс растягивал удовольствие. Фасеточные буркала жадно пожирали попавшего в западню смертного.

Найдя взглядом Ру-ру, Шрам прочитал в его глазах настоящий ужас – рисованные глаза округлились и стали почти бронзовыми.

Подавшись вправо, Шрам услышал протяжный рык, и тварь нервно зацарапала землю когтями.

– Беги! – крик послужил командой.

Атаковать. Другого шанса не будет.

Сирс кинулся вперед, одним прыжком достигнув незащитного человека. Отклонившись назад, убийца доверился своим инстинктам. Штырь в руке уперся в угол каменной стены. Резкий, хлесткий удар достиг цели намного раньше, чем клыки твари клацнули у шеи жертвы.

Шрам с трудом откинул безжизненное тело Сирса. Из груди убийцы вырвался вздох облегчения, словно вместе со смертью мерзкой твари он освободился от невыносимых мук проклятья.

Ру-ру был рядом.

– Теперь ты поверил? – безучастно произнесла кукла, как ни в чем не бывало, скрестив руки на груди.

Не в силах надыхаться, Шрам зеркальным взглядом уставился на Ру-ру.

– Ты ведь мог его уничтожить?

– Мог.

– И сдержался? – кровоточащее плечо сильно заныло.

Кукла кивнула и смачно плюнула на разодранную кожу. Пояснив:

– Когти Сирса содержат яд.

– Бред какой-то, – поморщившись, ответил Шрам.

Видимо, он все-таки ошибся. Сумасшествие отступило, растворившись в мрачной реальности. 'Безнадега' больше не властвовала над его измученным разумом, преподнеся ему последний и самый значимый сюрприз. Слуги иного мира, вырвали бывшего убийцу из каменных лап города, забрав его в свою кошмарную действительность.

Боль, отчаянье, безликий страх – Шрам не стал дорожить подобным багажом, оставив его на утеху бессмертным. Один безумный поступок за другим – свихнувшийся убийца не видел для себя иного выхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.